МЫ ВМЕСТЕ

Дороти Батлер

Кушла и ее книги

КНИЖКИ НА ВЫРОСТ
МОСКВА О·Г·И 2003

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта история о том, какую роль сыграли книги в развитии Кушлы, маленькой девочки, появившейся на свет с серьезными дефектами. Книги вошли в жизнь Кушлы очень рано, ведь девочка не могла познавать мир обычными способами — ни хватать предметы, ни ползать, ни сидеть или наблюдать происходящее вокруг нее.

Но благодаря любви к чтению она во многом постепенно догнала, а в чем-то даже опередила своих сверстников.

- Дороти Батлер
  - Благодарности
  - Предисловие
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - Выводы
  - Эпилог
  - Послесловие
- notes
  - 1
  - 2

Дороти Батлер
Кушла и ее книги

(Памяти Вэла)

Благодарности

Эту книгу удалось написать благодаря усилиям Патриши Йомен, матери Кушлы, которая подробно и квалифицированно делала записи, фиксирующие развитие своей дочери, начиная с самого рождения. Я приношу благодарность и ее мужу Стивену за его внимание и поддержку, и Джоаннс Эвертс из отделения педагогики Оклендского университета, чьи требования к точности изложения и чья постоянная поддержка сыграли большую роль при создании этой книги.

Моя любовь и благодарность Элен Мосс и Нэнси Чамберс, энтузиазм которых способствовал появлению сокращенной версии книги в «Сигнале-22».

Дороти Батлер

Издатели выражают благодарность Ив Мерриам (Eve Merriam) и International Creative Management за разрешение процитировать «Как съесть стихотворение» (How to Eat a Poem) © Eve Merriam, 1964 (9)

Предисловие

Книга об истории Кушлы — образец удивительной работы, как по содержанию, так и по способу изложения. Это тщательное исследование осуществления глубоко оригинальной, построенной на использовании книг, компенсирующей программы для ребенка с нарушениями в развитии. Семья использовала самую лучшую информацию, какую только могла получить, о детском развитии, применяя ее к частным проблемам Кушлы с пониманием, энергией и решимостью.

Несколько лет назад я не советовала Дороти Батлер писать это исследование о ее внучке. Мне казалось, что этот случай слишком затрагивает ее лично и его трудно будет свести к академическим задачам диссертации по педагогике. Мне приходилось работать с родителями многих детей, нуждавшихся в помощи при нарушении в развитии. Я хотела оградить семью Кушлы и избежать реакции самой девочки — вдруг, когда она вырастет, ей будет неприятно читать о своем собственном детстве. Признаюсь, я заблуждалась относительно ее семьи. Умные, упорные родители Кушлы в период ее раннего детства приняли много важных решений, продиктованных заботой о ребенке, решений, которые противоречили профессиональному мнению. Это очевидно из текста. Кроме того, их очень поддерживала большая семья, которая всеми способами помогала молодым родителям растить своего первого ребенка со сложными дефектами развития.

История Кушлы говорит об изобретательности родителей, перепробовавших множество способов успокоить страдающего бессонницей, больного ребенка. Вплоть до того, что они читали девочке детские книжки, начиная с четырехмесячного возраста, правда, скорее для того, чтобы скоротать долгие часы, когда им приходилось держать ее на руках, чем для того, чтобы добиться ее понимания. Так сложилось, что одной из особенностей этой большой семьи была любовь к детским книгам и глубокие знания об этих книгах. Поэтому Кушла была введена в мир книг необычно рано.

Время от времени проходят обсуждения проблем детей с нарушениями в развитии. Но из них редко можно почерпнуть что-либо положительное, как из этой истории. Усердная работа, разумные действия, ласковая настойчивость, здоровая реалистическая оценка ряда затруднительных ситуаций дали этой семье возможность опровергнуть негативные прогнозы некоторых специалистов. Наконец, когда Кушле исполнилось три года, стало

ясно, что девочка, исключительная во многих отношениях, превосходит большинство нормальных детей в тех навыках, которыми владеет. Эта книга не дает рецепта, прилежно следуя которому все родители детей с дефектами могли бы получить подобные результаты, но в ней содержатся полезные идеи.

Думаю, что многие родители детей дошкольного возраста увидят в этой книге рассказ о том, как можно обогатить жизнь детей родительской заботой о них и разнообразием совместных переживаний. Они многое узнают о детских книгах — из числа доступных — старых и новых, о взаимосвязи книжного опыта с реальным повседневным, об удовольствии общих знаний и творческой фантазии, о книгах как трамплине для дальнейшего обучения в широком смысле.

Женщине, написавшей эту историю, женщине, которая так понимает людей и любит те же книги, что и они, женщине, которая сумела отрешиться от личного ради объективности, которая так чутко отразила в своем повествовании то, что имело наибольшее значение для Кушлы, когда она училась учиться, можно доверять.

Мэри Клей,

профессор педагогики,

Оклендский университет, Новая Зеландия

ГЛАВА ПЕРВАЯ
От рождения до шести месяцев

Кушла родилась 18 декабря 1971 года в 2.40 ночи. Ее матери, Патрише, было двадцать с половиной лет, а отцу — ровно на год больше. Он присутствовал при рождении дочери, поддерживая жену в ее родовых муках. Ребенок весил более трех килограммов.

Беременность проходила нормально, мать готовилась к экзаменам на степень бакалавра и сдавала их в октябре и ноябре, незадолго до родов. Родители Кушлы познакомились и поженились во время обучения в университете.

В начале беременности они обратились в Родительский центр северного побережья, а впоследствии участвовали в работе незадолго до этого образовавшейся группы в Девенпорте. В этом приморском пригороде Окленда, Новая Зеландия, перемешано старое и новое. Множество студентов и молодых пар снимает квартиры в старинных двухэтажных деревянных домах, которые когда-то были прелестными частными владениями.

Единственным физическим недостатком Кушлы, обнаруженным сразу же, было наличие шестого пальца на каждой руке: полностью сформировавшийся, но негнущийся дополнительный палец, росший (между двумя суставами) из мизинца.

Родители дали разрешение на их удаление, и пальцы тут же перетянули нитью, так что они отпали через несколько дней. Мать Кушлы протестовала против такого способа и была встревожена тем, что ребенок кричал, когда их перетягивали. Ее уверили, что это безболезненная для ребенка операция, но она убедилась, что верить этому нет оснований.

На голове у Кушлы была большая припухлость — кефалогематома. Из-за того, что различные вещества из нее всасывались и попали в кровь, появилась желтуха. Родителям сказали, что этот процесс скоро закончится и тогда желтуха пройдет.

Когда два дня спустя этого не случилось и желтуха только усилилась, обеих, и девочку, и ее мать, положили в Государственную женскую больницу и начали лечение желтухи. Девочку облучали синим светом (этот метод тогда только внедрялся).

К этому времени родителям Кушлы стало очевидно, что все обстоит совсем не благополучно. Начиная с самого рождения возникли трудности с кормлением, несмотря на обилие у матери

грудного молока, кроме того, врачи были явно обеспокоены неровным, хриплым дыханием девочки. Оба родителя знали, что желтуха может привести к повреждению клеток головного мозга, а то, что ребенок беспрерывно плакал, только увеличивало их тревогу. В больнице их заверили, что за течением желтухи будут тщательно следить и что если она достигнет опасного уровня, то сделают переливание крови. К счастью, до этого не дошло; желтуха стала постепенно исчезать, и появилась надежда, что теперь все будет хорошо.

В рождественское утро, когда Кушле было семь дней, родителям разрешили забрать ее домой. Они были очень рады этому. Хотя состояние девочки вызывало у обоих большие опасения, родители были уверены, что все ее неприятности позади и что время и забота будут способствовать тому, что из нее вырастет здоровый ребенок.

Но их надежды не сбылись. Оказавшись дома, девочка физически страдала и часто плакала — так сильно, что даже синела. Трудности с дыханием возросли, кроме того, она почти не спала. Накормить ее как следует не было никакой возможности; она нуждалась в постоянном внимании, днем и ночью.

Вскоре родители забеспокоились относительно ее способности видеть и слышать. Кушла, казалось, была отрезана от мира и, в том возрасте, когда нормальный ребенок фокусирует взгляд на лицах, если они попадают в поле его зрения, вроде бы даже не подозревала о присутствии других людей.

Правда, успокаивало, что она в возрасте шести недель начала улыбаться окружающим, если ей давали время сосредоточиться, а вскоре стало ясно, что девочка может видеть ярко окрашенные предметы, если их держать достаточно близко перед ее лицом.

Когда Кушле было примерно два месяца, родители впервые заметили, что девочка время от времени как-то судорожно подергивается. Поначалу на эти подергивания не обращали особого внимания, считая, что они могут быть вызваны шумом или каким-нибудь другим раздражителем; никакой периодичности в их появлении не замечалось. В то же время еще большее беспокойство вызывало то, что ребенок не может набрать нужного веса и постоянно страдает от ушных и горловых инфекций. Участились визиты доктора, наблюдавшего за Кушлой, и в один из таких визитов он предложил обратиться к специалисту. Врач договорился с Оклендской больницей, где девочку должны были посмотреть, когда ей исполнится три месяца.

Но задолго до назначенного дня родители и дедушки с бабушками, которых тревожило состояние Кушлы, решили

проконсультироваться со специалистом частным образом. Ко всем болезням девочки прибавилась сыпь на лице и на теле, создавалось впечатление, что она нуждается в немедленной помощи.

Вызвали врача, а консультацию в больнице отменили.

Его заключение было следующим: у Кушлы небольшое незаращение в сердечной перегородке, и она страдает от астмы, с которой связаны ее кожные высыпания. Он отметил также, что у нее очень узкие носовые ходы, из-за которых ей трудно дышать, и обратил внимание родителей на высокое нёбо и низко посаженные уши.

Доктора вызвали повторно, он дал рекомендации по лечению астмы и экземы. Тревога родителей только возросла; заботы о больном, беспокойном ребенке продолжались.

К трем месяцам Кушла заметно отставала в развитии от нормального ребенка по большинству показателей. Было очевидно, что руки у нее почти не действуют: они безвольно свисали, отведенные назад и несколько расставленные в стороны. Кушла никогда не пробовала взять в руки какой-либо предмет. Однако если ее клали в кроватку и держали руки перед ней, то она пыталась протянуть руку к игрушке, висевшей на бортике кровати. Девочка не могла держать головку и сфокусировать взгляд, кроме как в случаях, когда предмет висел перед ее лицом; она не выносила дневного света даже в пасмурный день. Несмотря на почти постоянное лечение антибиотиками, ушные и горловые инфекции не исчезали.

Прошло еще несколько месяцев, улучшения не наступало, и девочка все больше отставала от других детей в развитии. Ее спина и ножки были вялыми, движения — слабыми и беспорядочными; она никогда не «цеплялась», как нормальный ребенок. Подергивания усилились настолько, что их аномальность стала очевидна.

Молодые родители, оказавшиеся в такой ситуации, неизменно получали поддержку и помощь родных.

Рядом с Кушлой, если она не спала, постоянно кто-нибудь находился. Ее никогда не оставляли в одиночестве. Чтобы успокоить плачущую девочку, не всегда было достаточно присутствия взрослого, тем не менее при ней всегда кто-то был. Время, когда она лежала на полу или в коляске, чередовалось со временем, когда она, казалось, могла, с помощью взрослых, «играть». Ее ручки направляли или клали на яркие игрушки, висевшие так, чтобы она могла их достать, помогали «потрогать» их ртом.

К книгам впервые прибегли в четыре месяца, когда стало

ясно, что Кушла отчетливо видит только те предметы, которые находятся поблизости от ее лица. Чтобы заполнить долгие часы в течение дня и ночи, от родителей требовалась немалая изобретательность, однако этой затее сопутствовала толика безумия. Девочка смотрела на книгу; она слушала, как зачарованная, и чтение текста позволяло ее матери что-то делать. Естественно, что мать Кушлы обратилась за помощью к книгам.

Удивительно, но после девяти недель ножки Кушлы, казалось, набрали силу и приобрели координацию, и если ее клали на живот, она прилагала мощные усилия, чтобы перевернуться. Мать поощряла Кушлу, пыталась «показывать» девочке, как переворачиваться, вращая ее ножки и бедра взад и вперед.

В пять месяцев Кушла совершала этот подвиг самостоятельно, что было заметным достижением, поскольку ее руки в этом не участвовали, а лицо не отрывалось от коврика, пока не происходил внезапный «кувырок».

В это время родители Кушлы купили «кенгурушку», в какой носят детей, и экспериментировали с ней в надежде, что с ее помощью дочь сможет увидеть окружающие предметы и станет активнее действовать руками. «Кенгурушка» совершенно не имела успеха, потому что, как выяснилось, девочке требовалась постоянная поддержка рук взрослого.

Таким было состояние Кушлы к тому времени, как ей исполнилось полгода, затем оно внезапно ухудшилось.

24 июня 1972 года Кушлу положили в Оклендскую больницу с подозрением на менингит.

Была сделана спинномозговая пункция, результаты которой оказались отрицательными. Самочувствие девочки оставалось тяжелым, но подозрение на менингит не подтвердилось.

Ее состояние объяснялось инфекцией мочевыводящих путей, и при обследовании был обнаружен гидронефроз левой почки, при котором отток мочи из почечной лоханки нарушен, и лоханка раздувается от скопившейся в ней мочи. У Кушлы гидронефроз был вызван тем, что воронкообразный выход из почечной лоханки деформировался и просвет его почти закрылся. В случае Кушлы лоханка была увеличена очень сильно, а сама почка на рентгеновских снимках была не видна.

Даже исходно здоровая почка в таком случае может серьезно пострадать. Операция, которая была необходима, для Кушлы в этот момент исключалась из-за ее общего болезненного состояния. Выводы специалистов, осмотревших Кушлу в возрасте трех с половиной месяцев, подтвердились, хотя признаков астмы

в этот момент не наблюдалось. Кроме того, как выяснилось при рентгенологическом исследовании, ее селезенка была деформирована и увеличена, а электроэнцефалограмма выявила нарушения в работе мозга.

Кушле было полгода. Ее короткая жизнь пока что вызывала у родителей страх и беспокойство, какого ни один из них не мог вообразить до ее рождения. Она пролежала в больнице десять недель.

Проходили дни и недели, перспектива была мрачной, улучшений не наблюдалось. Постепенно родители Кушлы поняли, что для их дочери не будет «излечения».

Когда ребенок не владеет руками или не реагирует нормально на окружающий мир, всегда заходит речь об умственной отсталости. Хотя и невысказанное, это предположение явно присутствовало в умах докторов и медсестер. Мать Кушлы в это время брала книги из библиотеки о «дефективных детях», готовясь к тому, что ждет их впереди. Но и они не вносили ясности; будущее девочки никак нельзя было предугадать.

После десятинедельного пребывания в больнице Кушлу выписали, ей было тридцать пять недель. Никакого генетического дефекта обнаружено не было; по заключению врачей у нее было заболевание мозга, и если его не лечить, девочка будет все больше отставать в умственном развитии.

ГЛАВА ВТОРАЯ
От восьми до девяти месяцев

Электроэнцефалограммы, сделанные во время пребывания Кушлы в больнице, выявили патологические изменения в головном мозге, судорожные подергивания (которые были и раньше) усилились, и врачи считали, что необходимо устранить эти явления. Поэтому Кушле прописали преднизон, который начали давать за две недели до выписки. Родителей предупредили, что это лекарство может понизить сопротивляемость организма инфекциям, но его применение необходимо. Явным и немедленным результатом приема преднизона стала припухлость лица и конечностей девочки. Прежняя болезненная внешность Кушлы сменилась обманчиво здоровым видом.

Мать девочки должна была составлять ежедневный график ее «подергиваний» в течение определенных периодов, это наряду с требованием подробных записей о стуле и мочеиспускании было условием выписки.

Тогда же родителям сказали, что состояние почек Кушлы (гидронефроз левой почки) требует удаления или восстановления, но для этого девочка была слишком слаба. Этот период мать Кушлы вспоминает как один из самых безнадежных в отношении будущего девочки.

В тридцать мять педель Кушлу протестировали на дому. Тестирование уровня развития по Гезеллу проводил психолог из Оклендского университета.

Тесты, сведенные в таблицу, показывают развитие ребенка в разных областях в сравнении с нормальным или средним ребенком того же возраста.

По результатам «личностно-социального» теста Кушла была на типичном уровне двадцатичетырехнедельного ребенка, в то время как ей было тридцать пять недель.

Эта оценка включает и уровень взаимодействия ребенка с другими людьми, и его способность выказывать свои собственные, личные нужды. Очевидно, что в оценке Кушлы скорее сыграли роль первые, чем вторые.

Нормальный ребенок этого возраста улыбается собственному отражению в зеркале, реагирует на улыбающееся лицо другого человека и более робок с незнакомыми, чем с ближайшими членами семьи, — это свидетельствует о том, что он начинает распознавать знакомые лица. Кушла демонстрировала все эти

реакции, когда ей помогали фиксировать взгляд. Однако она не делала различия между своими и чужими.

Другие разделы личностно-социального теста были вне возможностей Кушлы. В то время как нормальный ребенок в возрасте тридцати пяти недель умеет держать бутылочку и пить из нее, может сам есть печенье (жуя, а не сося во время еды), Кушла совершенно не владела руками и, что было для нее характерно, была не в состоянии справиться с едой, которую положили ей в рот.

В отчете психолога констатировалось, что «движения руки К. непроизвольны, отмечается аномальное переразгибание суставов», и эта невозможность владеть руками, безусловно, повлияла на оценку.

В еще большей степени она повлияла на оценку «ловкости», определяемую как «тонкие движения рук под контролем зрения». В этой области не было никаких достижений вообще. (Интересно представить себе, какой могла бы быть оценка действий Кушлы, если бы она владела руками и ногами. Нарушения фиксации взгляда все равно помешали бы ее действиям; у нее был двойной дефект). Нормальный восьмимесячный ребенок, разумеется, может схватить небольшой предмет двумя пальцами, крепко сжать игрушку, мять бумагу и осмысленно трясти погремушку.

Что касается «крупных движений», то движения ног Кушлы были оценены на уровне «двадцати восьми недель», что резко контрастировало с ее «нулевой» оценкой движений рук. (В отчете отмечалось, что когда Кушла лежит, ее руки «как правило, находятся под прямым углом к телу», — а когда она сидит, то «нуждается в поддержке, падает вперед и не может использовать руки для опоры».

Нормальный ребенок в возрасте тридцати пяти недель сидит без поддержки, встает, хватаясь за мебель, и ползает или делает три шага или более без посторонней помощи.

В области речи Кушла оказалась на уровне тридцати двух недель, с отставанием всего на три недели от ожидаемого уровня нормального ребенка. Она реагировала на собственное имя, соединяла (внятно) звуки и повторяла звуки за взрослыми.

Тесты Гезелла выявили значительное физическое отставание Кушлы.

Однако важно, что перед больницей, в возрасте пяти с половиной месяцев, она овладела умением переворачиваться, несмотря на то, что почти не могла пользоваться руками. Она переворачивалась, забрасывая ногу и бедро, и в то время это казалось началом компенсаторного метода. Это умение Кушла утратила, когда была в больнице, хотя в последние недели ее

пребывания там мать пыталась помочь ей выучиться этому заново.

Следует также отметить, что речь Кушлы была ненамного ниже нормального уровня в тридцать пять недель. Очевидно, эта оценка была прямо связана с поддержкой семьи во время пребывания девочки в больнице и с тем, что развитию речи уделялось большое внимание — с Кушлой разговаривали, ей пели и читали книжки с картинками.

Каждый день в больнице мать приходила около восьми утра и оставалась с девочкой до прихода отца около пяти вечера. Они оба находились с дочерью до восьми вечера. Кто-то из родственников матери приходил каждый день в середине дня, чтобы освободить ее на несколько часов.

Опыт больницы убедил родителей Кушлы, что их отсутствие возле девочки ночью причинило серьезный ущерб ее развитию. Каждый раз утром, когда приходила мать, дочь была беспокойна, и наверняка ночью она проводила много времени без сна и в плаче.

Дело не ограничивалось тем, что девочка была расстроена, было ясно, что по ночам ей трудно дышать, особенно, когда она плакала.

Регресс Кушлы во время пребывания в больнице и ее крайне беспокойное состояние при выписке привели ее родителей к решению больше никогда не оставлять ее одну ночью в больнице. Они настаивали на этом, и врачи Оклендской больницы (сначала неохотно) пошли им навстречу и позволили одному из родителей оставаться ночью в палате Кушлы.

В области личностно-социального и речевого развития отставание Кушлы в этом возрасте было менее выражено: двадцатичетырехнедельный уровень в личностно-социальном развитии и двадцатидвухнедельный в речевом. Наибольшей помехой в ее социальном развитии были, вероятно, трудности с фокусированием взгляда. Если приблизить к ней лицо, она изучающе разглядывала его и потом, совершенно неожиданно, лучезарно улыбалась. Казалось, в этой улыбке было нечто большее, чем просто дружественная реакция, в ней был элемент открытия, как если бы напряженное визуальное усилие внезапно было вознаграждено, что, в сущности, и происходило на самом деле. Когда лицо уходило из поля ее зрения (на расстояние около полуметра), у нее появлялось ее обычное выражение отчужденности, вернее, озадаченности и беспокойства; в нем не было ни смирения, ни спокойствия.

По-видимому, тот же самый фактор обусловливал реакцию Кушлы на отражение ее собственного лица в зеркале. Она сначала

пристально вглядывалась, затем фокусировала взгляд, и в этот момент становилось ясно, что она видит собственное отражение.

Хотя по результатам тестирования речь Кушлы отставала на три недели от уровня нормального ребенка ее возраста, по мнению ее матери, девочка «издает звуки и откликается, как любой другой ребенок ее возраста».

Кушла требовала постоянного внимания. Она спала очень помалу, не более получаса, несколько раз в день и примерно два часа за ночь. Между этими периодами ночного сна она часто бодрствовала по три-четыре часа подряд, всегда невеселая и нередко в состоянии стресса.

В течение дня мать Кушлы все время держала ее при себе. Низенькая деревянная складная кроватка стояла в гостиной. Эта кроватка давала ей большую возможность обзора, чем коляска, и была более надежна при физических упражнениях. Так как она засыпала неожиданно, лежа ничком, и ее никогда не удавалось «уложить спать», как большинство обычных детей, такая кроватка оказалась практичной.

Иногда Кушла лежала на ковре на полу. Однако это было менее удобно, чем в кроватке; ее попытки достать игрушки неизменно заканчивались тем, что они пропадали из ее поля зрения и из пределов возможности достать их.

На веревочке, натянутой между боковыми стенками кроватки, висели разноцветные игрушки, это казалось единственным способом «удерживать» их в ее поле зрения. И даже при этом ее физические способности в то время были настолько ограничены, что она не могла ощущать окружающий мир без постоянной помощи. Кушле помогали схватить предмет — ее ручки клали на него, поддерживая и предмет, и руки девочки, и подвигали к ее рту, чтобы она могла «ощутить» предмет ртом, как нормальные дети.

Когда матери Кушлы нужно было выйти в другую комнату, она всегда брала девочку с собой, если та не спала. Работа по дому, которую нельзя было выполнить, занимаясь с Кушлой, откладывалась на вечер, когда возвращался отец и помогал либо с ребенком, либо с домашними хлопотами.

В этот период родители экспериментировали с «детским рюкзачком», предназначенным для ношения детей на спине.

Он тоже не подошел Кушле. Девочка каждый раз оказывалась в неудобной позе и словно «теряла контакт». Ей была необходима поддержка и помощь рук взрослого, чтобы она видела и ощущала мир вообще.

По той же причине пришлось отказаться от использования

коляски. Неровное движение коляски непременно приводило к тому, что девочке было неудобно лежать, кроме того, она была совершенно не в состоянии ощущать окружающее. Создавалось впечатление, что без тесного физического контакта Кушла была «отрезана» от мира.

В это время девочку часто носили на руках, и в доме, и на улице, и обращали ее внимание на интересные предметы: на листья и цветы; на картины, украшения, зеркала и на многое другое. Именно в этом возрасте родные впервые заметили, что какие-то предметы явно привлекают внимание Кушлы. Когда девочку вносили в комнату, она тянулась в ту сторону, где находился определенный предмет, например картина. Оказавшись рядом с картиной, она, сфокусировав взгляд, выражала узнавание и восторг. (Для того чтобы сфокусировать взгляд, она быстро трясла головой и многократно моргала.)

Кушла очень напряженно сосредоточивалась и изучала «любимые» предметы. В доме бабушки, например, ее притягивал календарь, висевший в кухне. Она тянулась в этом направлении, выражая желание посмотреть на календарь, когда ее подносили ближе, она делала энергичное усилие, чтобы сфокусировать взгляд набольших черных цифрах под цветной картинкой. Казалось, она внимательно «сканирует» их, эта процедура занимала несколько минут. (Следует подчеркнуть, что Кушла предпочитала в данном случае цифры картинке; эта увлеченность знаками снова проявится при рассматривании книжек с картинками.)

Другим ее любимым предметом в доме бабушки был оригинальный черно-белый рисунок большого размера, изображавший голову женщины из племени маори. Так как эта картина висела за широким журнальным столиком, какому-то из молодых и сильных подростков — дядей Кушлы часто приходилось держать ее на вытянутых руках все то время, пока она рассматривала картину!

Нужно отметить, что родителям Кушлы помогали много и всесторонне заниматься с девочкой. Сестра ее матери в это время была на втором курсе университета и, пока Кушла была маленькой, жила с ними. Вместе с другими членами семьи молодая тетушка Кушлы всегда была готова уделить девочке внимание и заботу и часто на короткое время подменяла свою сестру.

Неудивительно, что Кушла научилась узнавать и любить своих многочисленных родственников, которые с особым вниманием относились к ее нуждам и, в свою очередь, искренне любили ее.

Именно в этот период, когда Кушлу выписали из больницы после десятинедельного пребывания там, с ней начали рассматривать книги с картинками, и это стало занимать значительную часть того времени, когда она не спала.

Эта привычка появилась по двум причинам. Во-первых, родные понимали, что Кушла нуждается в постоянном внимании и помощи для того, чтобы воспринимать окружающее. Во-вторых, девочка, несомненно, заинтересовалась книгами.

Мать Кушлы выросла в семье, где детям читали ежедневно и не только перед сном. Поэтому, чтобы «заполнить время», она прибегла к книгам, сочтя, что в девять месяцев к ним можно регулярно обращаться.

Более того, Кушла была неспособна заполнить свое время и внимание обычными для ребенка ее возраста занятиями — не могла ползать, вставать, исследовать попавшиеся ей предметы, наблюдать повседневную деятельность взрослых. Без помощи взрослых она, наверное, снова впала бы в состояние совершенного безразличия.

Во время чтения Кушлу сажали на колени, чтобы она могла опираться спинкой на тело взрослого, а книгу держали на оптимальном расстоянии от ее глаз (оно было установлено в результате наблюдений за ее способом «фокусироваться»).

Книги всегда «прочитывали» от начала до конца, каждую страницу поочередно подносили близко к глазам девочки. Так же, как и с календарем, Кушла делала «сканирующее» движение, часто замирая и пристально рассматривая определенную часть иллюстрации.

«М — медведь» (B is for Bear) Дика Бруны (Dick Bruna) — это книга-алфавит, где на каждой четной странице (белой) в нижнем левом углу изображена большая строчная буква черного цвета. На правой странице упрощенное изображение какого-нибудь предмета (например, утки, рыбы, зонтика) яркими основными цветами на контрастном фоне. Кушла сильно привязалась к этой книге. Единственная буква на каждой четной странице явно завораживала девочку, она внимательно разглядывала букву, затем ее взгляд очень неторопливо скользил по картинке на противоположной странице. «Расскажи историю» (A Story to Tell) того же автора тоже нравилась Кушле, но в этой книге обе страницы разворота занимала одна несложная картинка. Текста не было, но простая история просматривалась в иллюстрациях. «Я умею считать» (I Can Count) повторяла схему книги «М — медведь», только вместо букв были цифры.

Рассматривая с Кушлой одну из таких книжек-картинок,

взрослый по очереди указывал на изображенные предметы. Кушла научилась следовать взглядом за пальцем взрослого, но часто отказывалась смотреть на следующий предмет, если ей хотелось и дальше рассматривать то, что ее заинтересовало. Она никогда не улыбалась тому, что видела; выражение ее лица неизменно было очень сосредоточенным.

На стихи со звонкими рифмами Кушла реагировала совершенно иначе. Ритмический, рифмованный текст «Кота и совы» (The Owl and the Pussycat) и повторяющееся, плавное течение «Дома, который построил Джек» (The House that Jack Built), казалось, действовали на нее успокаивающе, особенно когда взрослый, занимавшийся с ней, двигался в ритме стиха. Эти стихи и другие прибаутки и песенки часто повторяли или пели Кушле и без книг, например во время поездки в машине.

Начиная с этого возраста, по поведению Кушлы всегда можно было догадаться, что она узнает стихотворение или песню: она становилась сосредоточенной, часто улыбалась и дрыгала ножками.

«Коробка с красными колесами» (The Box with Red Wheels) была самой любимой из историй. Кушла не то чтобы понимала сюжет, но внимательно выслушивала всю книгу и при этом непременно тщательно изучала иллюстрации. В этой книге, так же как в «В шумном городе» (In the Busy Town) и «У беспокойного моря» (Beside the Busy Sea), удивительно четкие иллюстрации. Объекты (по большей части животные на ферме) изображены отчетливо и красочно, и каждая страница заключена в красную орнаментальную рамку.

Книги, упомянутые выше, явно превосходили все остальные по производимому впечатлению; Кушла более явно выказывала возбуждение, двигая ручками и дрыгая ножками, когда узнавала свои любимые книги. (Не нужно думать, что это была энергичная реакция; Кушла была в этом возрасте болезненным ребенком, и движения ее ручек и ножек были слабыми).

Каждая из этих книг была прочитана сотни раз. «Рваный» сон Кушлы означал, что ее нужно занимать в течение долгих периодов ночью.

Размеры книги в это время не играли существенной роли. Хотя общепризнанно, что очень маленьким детям держать маленькие книги удобнее, чем большие, но для Кушлы это не было важно; она еще не могла пользоваться руками.

Мать Кушлы говорила, что начала читать девочке и от отчаяния, и в то же время от изначальной уверенности, что оно поможет. Упорство привело к успеху; но конечно, необходимость, как для матери, так и для девочки, чем-то заполнить долгие часы

тоже была одним из факторов.

Следует отметить, что музыка также использовалась, но никогда не занимала внимание девочки целиком, как книги. Мать Кушлы ставила пластинки или пела, или танцевала вместе с дочерью, казалось, девочке это нравилось, она часто смеялась. Однако это были краткие периоды; Кушлу было трудно держать, к тому же она часто болела. Читать можно было всегда, и книги стали одной из ее постоянных связей с миром.

Оглядываясь назад, этот период можно расценить как один из тех, когда родители Кушлы столкнулись с реальностью ее физических недостатков, в то же время не зная об их природе и о степени их серьезности. В основе компенсаторной программы, начатой в это время, лежало как осознанное решение «поддерживать с ней связь», так и необходимость заполнить часы, посвященные заботе о девочке.

Неспособность Кушлы занимать себя способами, доступными нормальному ребенку, возможно, усилили ее внимание к книгам, которые ей читали и показывали. Легко представить себе, что удобство и спокойствие, ощущаемые ребенком, когда его постоянно держат на руках и разговаривают с ним, спасают от одиночества и страха, которые он испытывает, не имея нормальных средств общения. Как много ребенок получает в первый год жизни посредством зрения, прикосновений рук и рта! Всего этого Кушла была лишена.

Каково бы ни было происхождение программы, к описываемому времени она твердо сложилась. Процесс был двусторонним: между Кушлой и ее родителями существовала постоянная связь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
От девяти до восемнадцати месяцев

В этот период не произошло никакого заметного улучшения здоровья Кушлы, но она стала развиваться физически, хотя и очень медленно.

В десять месяцев девочка научилась переворачиваться со спины на живот, лежа на полу. Как было отмечено в предыдущей главе, этот навык она приобрела уже в полгода, но был утерян во время ее пребывания в больнице.

Ровно в двенадцать месяцев — к этому времени Кушла могла недолго сидеть на высоком детском креслице — она научилась брать легкие предметы со «столика» креслица и тащить их в рот. Они каждый раз падали, прежде чем она успевала сунуть их в рот. К этому времени ее ножки могли короткое время выдержать ее вес, и если ее держали за ручки, она стояла прямо. Она также могла недолго сидеть одна, если за ней постоянно присматривали (обычный ребенок достигает этого уровня примерно в восемь месяцев).

Между одиннадцатым и двенадцатым месяцем жизни Кушлы ослабли, а затем прекратились ее судорожные подергивания. Дозу преднизона, который ей был назначен в семимесячном возрасте, постепенно уменьшали, а в двенадцать месяцев отменили. Рецидива подергиваний не было, хотя тенденция некоторой «судорожности» (подергивание лица, дрожь в ногах) отмечалась впоследствии во время болезней при высокой температуре. В более ранний период, напротив, все тело охватывало внезапной резкой судорогой.

Исследования отклонений в почках и селезенке продолжались; одной из болезненных и зачастую пугающих процедур, которым девочка регулярно подвергалась, был рентген с барием. Весь этот период Кушла почти все время страдала от ушных или горловых инфекций, или от той и другой вместе. Раз в две недели девочку показывали врачам Оклендской больницы и постоянно прибегали к помощи семейного доктора. Кушла продолжала спать все так же нерегулярно; ночной сон ее родителей был разбит, они постоянно бодрствовали. Кушле пробовали давать валиум и другие седативные средства, но неизменно отказывались от них. Их действие уменьшало живость Кушлы во время бодрствования, и родители твердо решили, что она должна иметь возможность реализоваться полностью.

Когда Кушле исполнился год, ее мать и еще несколько

молодых женщин, посещавших группу Родительского центра до рождения ребенка, решили создать детскую группу и встречаться раз в неделю. В нескольких семьях были дети от двух до четырех лет, которым не удалось попасть в расположенные по соседству детские сады, и образованная группа рассматривалась как замена или временная мера. Мать Кушлы играла ведущую роль в создании этой группы, что дало девочке возможность наблюдать, как играют другие дети, и видеть свою мать в компании, где она получала помощь, в которой так нуждалась все это время.

К пятнадцати месяцам стало ясно, что ножки Кушлы достаточно сильны, чтобы дать ей возможность ползать, и что овладеть этим навыком ей мешают руки.

Ее родители в это время использовали такую обучающую программу: один из них поддерживал девочку снизу, так что ее руки и ноги находились в подходящей для ползания позиции, другой двигал руки девочки, а тот, кто поддерживал, передвигал девочку вперед. (Стало понятно, что ее ноги достаточно развиты для ползания, во время этой процедуры она двигала колени вперед должным образом.)

Но скоро родители убедились, что эта программа не подходит, во всяком случае в данный период, по двум причинам. Во-первых, мышцы рук девочки не могли принять на себя ее вес, и, во вторых, она не могла контролировать свои руки. Пока не было никаких признаков того, что Кушла сумеет координировать движения рук и коленей и научиться ползать, даже имея достаточно силы в руках.

Тем не менее она освоила некий вид ползания. Поддерживая себя на предплечьях на полу, она делала несколько ползающих «шажков» коленями, руки оставались неподвижными. Затем скользящим движением она выбрасывала руки вперед, и все повторялось. Таким образом она продвигалась на несколько ярдов, хотя этот процесс требовал от нее слишком больших усилий, чтобы она могла достичь какой-то реальной подвижности. (Следующий этап был достигнут восемь месяцев спустя, в год и одиннадцать месяцев, к этому времени Кушла могла сделать самостоятельно несколько рывков вперед. Все еще пытаясь ползти, она двигала поочередно рукой и ногой естественным образом, но вместо левой кисти использовала предплечье, а правая рука была вытянута вперед. Это позволяло ей перенести большую часть веса на левое предплечье. Ни на каком этапе она не использовала для этого оба предплечья, всегда только левое.)

Между тем Кушлу каждый день учили ходить, и она реагировала на это с присущей ей живостью. Она не могла

удерживать равновесие, но передвигала ножки и пыталась ходить, если ее держали за руки, и к семнадцати месяцам она могла пройти несколько шагов, если взрослый держал ее только за одну руку. Подтягиваться или ходить, держась за мебель, она все еще не умела; ее ручки не были ни достаточно сильными, ни достаточно координированными, чтобы помочь ей справиться с этими задачами. Но постепенно руки становились все более послушными ей. Хотя иногда (и, конечно, когда ее тело «отдыхало», а не было занято каким-либо действием) руки Кушлы бессильно болтались, отведенные назад и в стороны, но все чаще она пыталась протягивать их вперед и использовать кисти. К двенадцати месяцам она пыталась перевернуть страницу книги, которую ей читали, а к пятнадцати месяцам могла проделать это довольно ловко. В это время она научилась показывать предметы, изображенные на картинках в книге.

Однако в восемнадцать месяцев она еще не умела хлопать в ладоши; координировать движение обеих рук было для нее слишком трудно, месяцы тренировки прошли без каких-либо заметных успехов. Но как только Кушла овладела этим искусством, она стала большой любительницей хлопать! И это не были изысканные хлопки, Кушла с чрезвычайно сосредоточенным видом вытягивала руки под прямым углом к телу, ее глаза поблескивали, а рот был слегка приоткрыт, она замирала, как всегда перед началом заметного усилия. Затем она сводила руки вместе, и в момент их соединения застывшее выражение сменялось волнением и восторгом.

Удовольствие Кушлы в таких случаях могло сравниться только с радостью ее родителей.

Для занятий с Кушлой продолжали использовать книги, которые были упомянуты в главе второй, их значение для Кушлы то усиливалось, то уменьшалось с течением времени. «М — медведь» и «Расскажи историю» (автор обеих Дик Бруна) продолжали играть важную роль в «читательской» жизни Кушлы, а «Кот и Сова» и «Дом, который построил Джек» всегда служили для нее развлечением.

«Коричневый мишка, коричневый мишка» (Brown Bear, Brown Bear) Билла Мартина (Bill Martin) появился, когда Кушле было около одиннадцати месяцев, и имел большой успех. В этой книге используется повторяющийся прием сочетания в рифмованных куплетах целого списка похожих и непохожих животных: черная овца, синий конь, лиловый кот.

Коричневый мишка, коричневый мишка, кого ты

видишь?
Я вижу желтую уточку, которая смотрит на меня.
Желтая уточка, желтая уточка, кого ты видишь?…

Кажется, с точки зрения Кушлы, в «Коричневом мишке» было все. Эта книга воплощала в себе и яркие, без фона, иллюстрации книг Бруны, и повторяющиеся рифмы «Дома, который построил Джек». Во всяком случае, в этот период она тут же стала одной из любимых.

Кушла теперь умела прочно сидеть на колене взрослого и со все большей ловкостью показывала изображения и переворачивала страницы, могла в восторге хлопать по странице, выказывая свое одобрение. Вероятно, она могла бы и оттолкнуть от себя книгу, если бы ей не хотелось слушать историю. Но этого никогда не случалось, рассматривать книги по-прежнему было для нее важным и интересным занятием.

Когда Кушле было одиннадцать месяцев, ее мать однажды перевернула вверх ногами книжку «М — медведь», в то время как девочка внимательно рассматривала страницу. Кушла немедленно попыталась повернуть голову, чтобы восстановить прежний порядок. Впоследствии эту реакцию проверяли, показывая Кушле картинки из знакомых книг вверх ногами (не показывая их сначала нормально). Девочка безошибочно распознавала несоответствие и пыталась исправить положение, повернув нужным образом голову. (К пятнадцати месяцам это превратилось в игру, и Кушла научилась говорить «вверх ногами». [1] Гости всегда с изумлением приветствовали это достижение, Кушла тоже смеялась и радовалась вниманию.)

Совершенно неожиданно около года она начала произносить первые буквы отдельных существительных, когда показывала на картинки. Наверное, стимулом послужила книжка «М — медведь». Кушла, разглядывая книгу с близкого расстояния и показывая пальчиком, тихонько шептала «ф-ф-ф», когда появлялся филин, «п» при виде поросенка. В ее возрасте это казалось необычным, и, похоже, прецедентов в литературе не отмечалось. Напротив, были свидетельства обратного.

Журова (1963) проводила ряд экспериментов, обучая детей дошкольного возраста (от трех до семи лет) анализировать слова в понятиях отдельно взятого звука. Результаты показали, что первоначально младшие дети не могли понять, что значит «первый звук». Пытаясь обособить его, они как бы заикались, почти всегда произносили все слово, например «с-с-собака». Кроме того, Браун и Белладжи (1964), отмечая, что очень

маленькие дети, которых просят повторить произнесенное слово, всегда сохраняют содержательные части речи (которые несут семантическое содержание или значение), предпочитая их другим словам, предполагают, что это частично происходит из-за того, что в произношении на них падает ударение. Таким образом, из предложения «это рыба» ребенок сохранит «рыбу» и ударную часть слова, «ы» в сочетании либо с предшествующей «р», либо с конечным «ба». В семнадцать месяцев Кушла ясно произносила глухие согласные «с», «п» и «ф» и носовой «м» соответственно при виде изображений собаки, поросенка, филина и мыши. Можно с уверенностью сказать, что такое запоминание необычно.

В этот период Кушле были предложены четыре книжки серии «Берк Хоум-старт», поскольку они обладали вышеупомянутыми особенностями — яркие простые рисунки на светлом (в данном случае не белом) фоне с простым текстом. Эти книжки, написанные Эйлин Райдер (Eileen Ryder) и проиллюстрированные Л. Эй. Айвори (L. A. Ivory), были: «Чей это малыш?» (Whose Baby Is It?), «Кто мы?» (Who Are We?) «На что мы похожи?» (What Do We Like?) и «Какого цвета?» (What Colour Is It?).

Все эти маленькие книги (16x16 см) оформлены сходным образом. Описание рисунка можно свести к одной фразе, в каждом случае отвечающей на вопрос, поставленный в названии книги: «Масло желтое, лимоны тоже желтые» (из «Какого цвета?»). Основные принципы иллюстраций — ясность, статичность людей, животных и предметов (как на иллюстрациях Ленски), четкость контура на белой странице, очевидно, больше всего способствовали восприятию их Кушлой. После внимательного изучения картинки с близкого расстояния она переводила взгляд из стороны в сторону или вниз, на буквы, фокусируя на них взгляд с несомненным интересом.

Ее кузен, Сэмюэл, старше ее на четыре месяца, совершенно по-иному реагировал на эти и схожие книги. Как и Кушле, ему давали смотреть книги с раннего детства, но в противоположность ей энергичный, активный ребенок, который к пятнадцати месяцам ходил, вставал и ловко обращался с предметами, бегло оглядывал каждую страницу, мог показать на картинку, которая привлекла его внимание, назвать ее на своем малопонятном языке и побыстрее перевернуть страницу. В самом деле, скорее всего, Сэмюэл предпочитал переворачивать страницы, а не рассматривать иллюстрации.

Наблюдение за другими детьми этого возраста позволило сделать вывод, что нормальна реакция именно его, а не Кушлы. Можно только теоретизировать относительно того, что обращение Кушлы с книгами развилось в ответ на ее собственные

индивидуальные потребности и на то, как они были восприняты взрослыми в ее жизни. Трудно предположить иную причину ее глубокого интереса к печатному тексту как таковому, чем представить, что для ее плохой координации взгляда резко выделяющиеся на светлом фоне очертания букв представляли собой ясно видимые изображения. Конечно, каковы бы ни были причины, Кушла по сравнению со средним ребенком такого раннего возраста проявляла необычный интерес к знакам.

В это время к библиотеке Кушлы прибавились две книги Лоис Ленски (Lois Lenski): «День Дэви» (Davy's Day) и «Папа Смолл» (Papa Small). Обе эти книги постоянно издавались в течение тридцати лет; обе можно считать классическими. Маленькие коренастые персонажи Ленски взрослому могут показаться неинтересными, а их занятия приземленными, но они дают маленькому ребенку возможность увидеть, может быть, впервые, как на страницах книги идет жизнь.

«Дэви встает рано. Он чистит зубы и умывается. Он завтракает». Каждая страница, до самого конца книги, когда он «принимает ванну, читает одну-две хорошие книжки…», точно отображает ежедневные занятия двухлетнего ребенка. «Папа Смолл» описывает повседневную жизнь семьи: Папы Смолла, Мамы Смолл, Полли Смолл, Пола Смолла и Малыша Смолла, которые работают, играют, ходят за покупками, а по воскресеньям идут в церковь, где «Малыш Смолл плачет и его приходится забрать оттуда».

Кроме того, иллюстрации книги четким контуром выделяются на белом фоне, простой текст расположен на противоположной странице, напротив рисунка. Вряд ли Кушла в пятнадцать месяцев могла многое понять из текста каждой из этих книг. Ее опыт был даже более ограничен, чем у здорового нормального ребенка ее возраста. Но она любила слушать и внимательно изучала иллюстрации. И «одна-две хорошие книжки» Дэви непременно должны были вызывать у нее отклик!

«Шумная книжка» (The Noisy Book) была в каком-то смысле новшеством среди книг для маленьких детей. Каждая страница иллюстрировала звуки — солдат с барабаном, мальчик со скрипкой, парикмахер, стригущий волосы, или просто какое-нибудь животное. В каждом случае соответствующий звук «извивался» по странице большими черными буквами: «Тра-та-та…», «Ме-е-е-е!» «Хрю-хрю!». Кушлу забавляла эта книга — главным образом, надо сказать, потому, что она давала возможность взрослому, занимавшемуся с девочкой, проявить свои актерские способности в изображении шума. В самом деле, эту книгу можно было читать только со взрослым, готовым

устроить представление! Книга была отличным средством развития отношений, и это нравилось Кушле.

В это время с Кушлой стали читать «Боунар Манипулейтив Букс» в попытке поощрить ее действовать руками. «Где дом?» (Where is Home?) — книжка с «клапанами», каждая открывающаяся страница показывает фрагмент картинки и отвечает на вопрос: «Где дом у кошки? Где дом у цыплят?». Кушла быстро поняла, в чем тут фокус, и с радостью и удовольствием «докапывалась» до спрятанной части страницы.

«Маленький, большой, еще больше» — в этой книжке страницы были разной ширины. Последовательно переворачиваемые страницы показывали «маленького слоненка, большого слона, слона еще больше» остроумный трюк разъединения первоначального предмета, когда при переворачивании первой, узкой страницы обнаруживаешь под ней большую часть. Эта уловка, остроумная сама по себе и бесконечно привлекательная для детей чуть постарше, не имела такого успеха, как менее изощренный трюк в «Где дом?», но ее четкие яркие рисунки и крепкие плотные страницы вызывали у Кушлы желание переворачивать страницы, и она стала с этим справляться. Несколько месяцев спустя, когда Кушле было около двух лет, она очень полюбила эту книгу.

Книгу Томаса и Ванды Закариас (Thomas and Wanda Zacharias) «Но где же зеленый попугай?» (But Where Is the Green Parrot?) стали давать Кушле, когда ей было около восемнадцати месяцев, чтобы она научилась находить объект, который не виден ясно. Зеленый попугай по мере развития сюжета прячется все лучше; сначала он ярко выделяется на фоне красной крыши дома, у которого были «…синяя дверь со щеколдой, желтый балкон с цветочными горшками…», затем прячется в вазе с цветами, которые прекрасно маскируют его, потом на дереве с густой листвой. Сначала Кушле требовалась помощь; потом она сама внимательно изучала каждую иллюстрацию и, найдя попугая, бывала страшно довольна.

В этот период Кушла выражала свой восторг хлопаньем в ладоши и довольным смехом. При этом она отводила взгляд от книги, потом она опускала руки и снова приближала глаза к странице, чтобы сфокусировать взгляд. Усилия, которые на это требовались, меняли ее настроение, из веселой она становилась серьезной; что ж, постижение смысла книги требует рассудительности.

В семнадцать месяцев Кушла прошла тестирование в клинике Отделения педагогики Оклендского университета.

Использовались тесты Гезелла и Денверский тест психомоторного развития.

По результатам личностно-социального теста Кушла в свои семнадцать месяцев выглядела как четырнадцатимесячный ребенок. «Мелкие движения рук под контролем зрения» были оценены на уровне шести месяцев, «крупные движения» — на уровне девяти месяцев и речь — на уровне двенадцати месяцев.

Психолог дал следующий комментарий:

Легкое отставание в личностно-социальной и языковой сфере. Явное отставание в развитии крупных движений и особенно мелких движений связано с аномальными реакциями рук и ног и с необычными особенностями зрения.

Отмечены три различных уровня функционирования в реакциях кистей рук:

1) Непроизвольные движения — руки подлетают в воздух, предметы удерживаются одно мгновение и тут же выпадают, так как рука (обычно правая) разжимается.

2) Соответствующие намеренные движения совершаются с сосредоточенностью и усилием — подуть в свисток, потрясти погремушку, потянуться к книжке с картинками.

3) Обращение с книгами, к которым ее приучили взрослые, весьма продвинутое. Она рассматривает книги с близкого расстояния, изучает картинки, без подсказки издает соответствующие некоторым картинкам звуки («м» — мышь; «п» поросенок; «с» — сова; «ф» — филин) и переворачивает страницы — задача координации мелкой моторики.

(Я проверила это тщательно, поскольку это противоречит остальному.)

Личностно-социальная оценка Кушлы несколько улучшилась за восемь с половиной месяцев, которые прошли с момента ее первого тестирования в возрасте тридцати пяти недель (см. главу 2). По шкале Гезелла она сейчас была на три месяца ниже уровня своего возраста. Вероятно, ее затруднения с фокусированием и ориентацией все еще препятствовали ей как в этой области, так и в остальных. Однако более высокие оценки (в сравнении с ее более ранним результатом: двадцатичетырехнедельный уровень личностно-социального развития в тридцатипятинедельном возрасте), возможно, отражали большую заинтересованность в людях и вещах, чем раньше.

Сон Кушлы был все так же беспорядочен. Ночью она спала беспокойно и не больше нескольких часов подряд. Укрыть ее было невозможно, так как она металась во сне и всегда просыпалась в тревожном состоянии.

Никакой систематической программы, чтобы справиться с этой ситуацией, не проводилось, хотя родители пробовали различные методы. От применения лекарств отказались, как уже было сказано, из-за их воздействия на ее живость во время бодрствования, и ни один из способов помочь ей уснуть снова не действовал наверняка. Иногда спасала бутылочка теплого молока, а иногда Кушлу нужно было вынуть из кроватки и развлекать, пока она не уснет, обычно под чтение книги. Вероятно, этот фактор, приводящий к почти постоянному переутомлению, способствовал развитию личностно-социального поведения Кушлы.

Денверский тест психомоторного развития, использованный в то же время, обнаружил, в сущности, ту же самую картину, но с одним явным различием: в соответствии с этим тестом оценка речи Кушлы была совершенно нормальной, то есть она достигла к семнадцати месяцам уровня, который ожидается от нормального ребенка этого возраста.

Это расхождение в речевых тестах, вероятно, обусловлено случайным невниманием девочки или отсутствием сотрудничества во время проведения первого теста или действительно выявляет некоторое отставание. Однозначный вывод здесь невозможен, но легко себе представить, что Кушла, с ее трудностями в фокусировании и ориентации, при любом тестировании могла продемонстрировать свои способности не в полной мере.

Ее «явное отставание в развитии крупных и особенно мелких движений» было выявлено полностью; Кушла в свои семнадцать месяцев достигла уровня шестимесячного ребенка по результатам каждого теста. Нормальный ребенок в семнадцать месяцев хорошо ходит, часто уже нетвердо бегает. Он способен поднять и бросить игрушку, сесть на ступеньку или маленький стульчик, «вдвигаясь» в него попкой. Все это было недоступно Кушле — но, к удивлению проводившего тестирование психолога, она могла переворачивать по одной странице книги: «задача координации мелкой моторики», как записано в отчете. (Следует отметить: для того чтобы перевернуть страницу, Кушла взмахивала запястьем, что не характерно для детей ее возраста, обычно переворачивающих страницу движением всей руки. Это было вызвано слабостью руки, которая всегда лежала на плоской поверхности во время этого процесса.)

Нужно понять, что представляет собой дополнительный комментарий, начинающийся со слов: «Обращение с книгами, к которым ее приучили взрослые, весьма продвинутое…» — это честное и слегка удивленное признание со стороны психолога,

что особая тренировка в узкой области преодолела двигательные ограничения, которые обычно считаются препятствием для приобретения таких навыков.

В обращении с книгами Кушла преодолела дефект «аномальных реакций рук и ног» и «необычных особенностей зрения», досаждавших ей с самого рождения и отмеченных при этом тестировании.

Тот факт, что Кушла выполняла конкретные задания — дула в свисток, трясла погремушку — «с сосредоточенностью и усилием», согласуется с ее повседневным поведением. Сосредоточенность на определенной задаче была характерна для нее; она привыкла, что ей покажут, как надо что-то сделать, и помогут достичь цели.

В период от девяти до восемнадцати месяцев обнаружился прогресс Кушлы — от состояния, дававшего мало надежды на последующее развитие, до состояния, позволявшего ждать улучшений.

Успехи девочки в том, как она переворачивалась, и последующие (хотя и неудачные) попытки ползать внесли ноту надежды, которая раньше казалась беспочвенной, а теперь поддерживала растущую убежденность семьи, что девочка достаточно волевая. Спонтанные физические упражнения постоянно перемежались с периодами болезни, требующей лечения антибиотиками, и она, должно быть, постоянно ощущала переутомление. Тем не менее Кушла пыталась двигаться, с неизменными, хотя и малозаметными, результатами.

Свидетельство того, что она в одиннадцатимесячном возрасте была в состоянии понять, что картинка перевернута, бесспорно. Значит, в этом возрасте такое распознавание возможно, хотя и необычно. Конечно, Санча, младшая сестра Кушлы, в одиннадцать месяцев никак не давала понять, что замечает, что картинка в знакомой книге показана ей вверх ногами.

Уотсон (1964) разработал и осуществил три эксперимента с целью установить, могут ли дети до шести месяцев воспринимать ориентацию предметов. Для этого он наблюдал за тем, как они улыбаются при виде изображения лица, повернутого под разными углами. Далее он поставил задачу «оценить восприятие ориентации предмета по другим реакциям ребенка, а не по улыбке, которая скорее зависит от того, что нарисовано на картинке, чем от того, под каким углом она повернута». Уотсон приходит к выводу, что «способность воспринимать ориентацию прочно устанавливается к четырнадцатой неделе». Однако он различает результаты, полученные при использовании

человеческого лица или изображения человеческого лица и других символов, утверждая, что «любое значение ориентации для других объектов не наблюдалось, в то время как различие в ориентации лица давало явный эффект».

Заключительный вопрос Уотсона о значении — «либо младенцы видят различие в ориентации, но это не имеет для них значения, либо они просто не в состоянии увидеть различие в ориентации этих отдельных нелицевых форм». Ответ на этот вопрос, замечает он, ему неизвестен.

В таком случае, возможно, Санча видела различие в ориентации, но «это не имело для нее значения», в то время как для Кушлы, более ограниченной в активности и поэтому более зависимой от изображенных образов для получения информации, это имело значение, и, получая неправильную ориентацию, она пыталась компенсировать это, поворачивая голову.

Все это время, до восемнадцати месяцев, Кушла все еще занималась с бессюжетными книгами, хотя можно было ожидать, что две книжки Ленски, «День Дэви» и «Папа Смолл», приведут к мысли, что на следующих одна за другой страницах изображен тот же самый герой. Есть свидетельства, что девочка уловила эту мысль; она легко узнавала Дэви на каждой странице. Кушла каждый раз сосредоточенно показывала на него. Этот период послужил прелюдией к настоящим историям, с темой, сюжетом и кульминацией.

К тому времени, как Кушле исполнилось восемнадцать месяцев, ее дефекты еще не получили объяснения и даже еще не все были выявлены. Но если когда ей было девять месяцев, родители со страхом думали о будущем, опасаясь, что для Кушлы его может и не быть, то теперь они строили планы для нее и ежедневно обсуждали ее растущие потребности.

Несмотря на все странности, Кушла вырастала жизнерадостным ребенком. Постоянно преследуемая болезнями, вынужденная переносить болезненные медицинские процедуры, несмотря на периоды, когда даже руки родителей лишь в малой степени могли защитить ее от непонятного мрачного мира, она, тем не менее, вырастала сильным духом и непосредственным ребенком, который готов смеяться и радоваться хорошим временам и воспрянуть после плохих.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
От восемнадцати месяцев до трех лет

За первые двенадцать месяцев этого периода здоровье Кушлы нисколько не улучшилось, два раза ее ненадолго клали в больницу. Однако выявление ее генетического дефекта в начале этого периода хотя и не дало указаний, как лечить его в будущем, по крайней мере, положило конец предположениям; засвидетельствовав факт, что каждая клетка тела Кушлы аномальна и что эта аномалия — причина физических и умственных недостатков девочки, и единственный возможный путь — это постоянная индивидуальная забота и обучение. Во всяком случае, семья укрепилась в решении, насколько возможно, развивать потенциал Кушлы.

В июне 1973 года Кушле сделали ряд хромосомных тестов. Результаты, показавшие легкое отклонение от нормы, были отвергнуты как возможно дефектные анализы; такая аномалия, проявляющаяся у ребенка нормальных родителей, чрезвычайно маловероятна. Эту информацию сообщили родителям Кушлы, добавив успокаивающие заверения. Однако родители Кушлы не были удовлетворены. Оба они хотели знать точно, не может ли у них появиться второй дефективный ребенок. Так как они настаивали, в больнице согласились сделать повторный тест и на этот раз протестировать также и родителей.

Результаты не вызывали сомнений: у Кушлы и ее отца обнаружились нарушения в строении хромосом, что тут же подтвердил еще один тест. Были протестированы и родители Стивена — с отрицательным результатом. Напрашивался единственно возможный вывод: при зачатии Стивена произошла мутация, которая привела к нарушению строения хромосом в каждой клетке.

Каждая нормальная человеческая клетка содержит сорок шесть хромосом, каждая из которых, в свою очередь, состоит из цепи генов, несущих наследственную информацию.

Двадцать три хромосомы в каждой клетке наследуются от отца и двадцать три — от матери.

В случае Стивена две хромосомы из сорока шести обнаруживали ненормальность: одна длиннее и одна короче остальных сорока четырех. Однако полный набор генов присутствует в каждой клетке, общее число генов, которые несут

одна длинная и одна короткая хромосомы, равно тому, что обычно делится между двумя хромосомами нормальной длины. Таким образом, в отце Кушлы нет ничего аномального, он исключительно здоровый и умный человек. Можно, однако, ожидать осложнений, когда при зачатии ребенка аномально расположенные хромосомы Стивена соединятся в произвольной комбинации с хромосомами его жены.

В действительности у родителей Кушлы был один шанс из четырех произвести на свет совершенно нормального ребенка, не способного передать дефект следующему поколению.

С другой стороны, их шансы родить нормального на вид ребенка (генетически идентичного отцу, но способного передать дефект) были один к четырем.

Здесь следует отметить, что в любом из этих случаев было бы невозможно выявить аномалию, и родители произвели бы на свет еще одного ребенка — с теми же самыми шансами быть нормальным и опасностью невыявленного дефекта.

Появление ребенка с набором генов, как у Кушлы, тоже составляет вероятность один к четырем, как и четвертая комбинация, в результате которой получается плод с неполноценным набором генов.

Отсюда следует, что аномалия, скрытая или явная, составляет два к трем для жизнеспособного плода.

К двадцати одному месяцу Кушла могла сделать несколько нетвердых шагов, если двое взрослых держали ее за руки. Она обрела в небольшой степени чувство равновесия, но проявляла обычную готовность «идти», мало заботясь о случайных падениях и столкновениях. Судороги, возникшие в результате тяжелого заболевания гриппом, заставили положить ее снова в больницу на три дня, в результате чего процесс ходьбы замедлился, но к двадцати четырем месяцам она могла нетвердо пройти короткое расстояние. К тридцати месяцам она ходила постоянно, хотя очень некоординированно. Ее характерная поза при этом выглядела так: небольшой наклон тела назад, руки висят, покачиваясь взад и вперед от плеча, а шея вытянута вперед для равновесия.

Невозможность опереться на руки при падении и общая неустойчивость приводили к тому, что Кушла постоянно падала. Здесь трудно было найти золотую середину — не слишком контролировать девочку, чтобы не мешать ей в этих упражнениях, и в то же время не давать ей полной свободы, которая могла бы привести к несчастному случаю.

Нормальный ребенок начинает ходить без поддержки

примерно в четырнадцать месяцев, а в двадцать четыре, когда Кушла могла нетвердыми шагами преодолевать короткие расстояния, ходит уверенно, тело его координированно, он хорошо бегает и редко падает. Тем не менее поведение Кушлы давало повод для удовлетворения; более ранние медицинские прогнозы были пессимистичны и в физическом, и в интеллектуальном отношении, и то, что Кушла последовательно проходила какие-то этапы, давало больше надежд на ее будущее, чем ее семья осмеливалась питать до этого времени. Лучше ползать Кушла не стала; ее руки были все еще слишком слабы, чтобы поддерживать тело, и сам процесс явно казался ей неудобным и неудовлетворительным (см. описание в скобках на стр. 26).

Вполне возможно, это служило стимулом для ее попыток ходить; она явно хотела передвигаться. Владение кистью и рукой продолжало понемногу улучшаться. К восемнадцати месяцам Кушла могла взять легкий деревянный или пластиковый кубик из коробки, но почти сразу же роняла его, не донеся до цели. В двадцать три месяца она научилась, после сосредоточенного обучения, кидать маленькие кубики в широкий и неглубокий пластиковый ящик. До этого, хотя ее хватка стала крепче, рука, казалось, не повиновалась приказу мозга «отпустить».

С двух с половиной лет мать раз в неделю стала водить Кушлу в маленький плавательный бассейн с подогревом воды, где учили плавать старших дошкольников. Хотя Кушла была слишком мала, ей разрешили заниматься в группе с условием, что вместе с ней будет плавать мать. Скоро выяснилось, что она может и хочет следовать инструкциям и не боится воды, не боится оказаться с головой под водой. Плавание с раннего детства рассматривалось как возможное действенное лечение для Кушлы. Таким образом было положено хорошее начало.

До сих пор не было и речи о том, чтобы приучать Кушлу к горшку. Ее слабые мышцы, частые болезни, трудоемкие заботы о ней и особенно ее предрасположенность к инфекциям мочевого пузыря и дефект почки не давали начать это приучение раньше. Однако в тридцать три месяца стало очевидно, что она довольно часто долгое время бывает сухой и что приучение к горшку вполне возможно. И действительно, Кушла за неделю приучилась контролировать свой кишечник и мочевой пузырь, хотя ночью все еще нуждалась в подгузниках.

В отличие от Кушлы обычный ребенок контролирует свой кишечник и мочевой пузырь в два года, хотя многие дети, которые могут соответствовать этому стандарту, оказываются неспособны делать это по различным причинам. Они могут

сопротивляться настойчивости родителей, утверждая свою личность, или играть с такой увлеченностью, что часто забывают об этом, или просто им требуется больше времени, чтобы овладеть необходимыми психологическими механизмами контроля. Поэтому успехи Кушлы в контроле над мочевым пузырем и кишечником в тридцать три месяца можно рассматривать почти как норму еще и потому, что можно предположить, что если бы родители настаивали, она бы могла научиться этому раньше.

В два года Кушла смогла начать ходить в Давенпортский игровой центр. Примерно в то же время туда перешли другие семьи из игровой группы, сформировавшейся за год до этого, таким образом, сохранились уже установившиеся дружеские привязанности.

Хотя Кушла все еще могла участвовать в играх только ограниченно, она радовалась этому опыту, и ей и родителям пошло на пользу то, что они оказались в подходящей группе.

Число книг, известных Кушле, после восемнадцати месяцев стало быстро расти. Еще две книги Бруны, «Снаффи» (Snuffy) и «Король» (The King), оказались не менее популярны, чем предыдущие, а также «Дэви и его собака» (Davy and His Dog) (Ленски), где был изображен тот самый Дэви, который «читает одну-две хорошие книжки», только несколько выросший, вместе с очаровательной собакой, стали очень любимыми.

Другая книжка Ленски, «Маленькая ферма» (The Little Farm), снова продемонстрировала свою постоянную и несколько таинственную для взрослых притягательность для малышей.

«Помогаем дома» (Helping at Home) и «Щенята и котята» (Puppies and Kittens), обе издательства «Ледиберд», тоже появились у Кушлы в это время по тем соображениям, что они отвечали растущей потребности девочки идентифицировать знакомые предметы или действия в книгах. В первой. из книг было показано, как двое детей моют посуду, развешивают выстиранное белье, подметают пол — действия, которые Кушла никоим образом не могла бы совершить, но которые все же были ей знакомы.

Мне показалось интересным, то есть на самом деле просто захватывающим, сравнить воздействие на Кушлу книг и устных рассказов, начиная с двухлетнего возраста и далее, с реакциями Кэрол, дочери Дороти Нил Уайт, в том же возрасте, по материалам сообщения, опубликованного в «Книги до пятилетнего возраста» (Books Before Five) (New Zeland Council for Educational Research, 1954).

Кэрол родилась на двадцать шесть лет раньше Кушлы, тоже в конце года, в образованной семье, ее родители любили книги и интересовались ими. Более ранняя книга Дороти Уайт, «О книгах для детей» (About Books for Children) (1946), отражает опыт работы детским библиотекарем в Данидинской публичной библиотеке начиная с 1937 года. За год до этого она оказалась одной из двух новозеландок, отобранных для стажировки в Карнеги Лайбрери Скул в Питтсбурге. Сама Кэрол была здоровым и очень умным ребенком. В два года, когда мать начала дневниковые записи, она уже четко говорила и ей нравились книги. Общение Кэрол с книгами, несомненно, обогащало ее повседневную жизнь; начало было положено в два года и четыре месяца, когда было замечено, что, после того как она впервые увидела настоящих животных, ей стали больше нравиться изображенные в книжке домашние животные. Тогда же было отмечено ее желание принять на веру изображения незнакомых предметов: «Если в восемнадцать месяцев ее не интересовали никакие изображения предметов, которых она не видела, то теперь, в два года, она полюбила рассматривать изображения того, чего не видела в реальной жизни».

Кушла, с ее почти полной неспособностью наслаждаться нормальной деятельностью как Кэрол и ее подруга Энн, была менее придирчивой; выбор у нее был гораздо меньший, чем у Кэрол, ее обращение к книгам было более постоянным, а ее внимание — менее выборочным. С другой стороны, стремление Кушлы понять, ее потребность в осмыслении в этом возрасте не уступали по глубине или мере подобному стремлению и потребности Кэрол. Кушле все еще приходилось преодолевать неизвестные дефекты, сенсорные и физические; она все еще была, в сущности, изолирована. Быстрый, почти неуловимый обмен между нормальным ребенком и окружением, когда весь опыт «льет воду на его мельницу», был недоступен Кушле.

Дороти Уайт также упоминает, что в этот период Кэрол стала выказывать растущее предпочтение цветным, а не черно-белым иллюстрациям — Кэрол «… не хотела тратить время на простые книжки за пенни, она перешла к цветным за два пенса» — хотя она замечает, что книгу Лоис Ленски «Поиграем в дочки-матери» (Let’s Play House) (теперь недоступна), которую она сначала сочла посредственной, совершенно обычной книжкой с черно-белыми картинками, по просьбе Кэрол прочитали десять или двенадцать раз за неделю. Кушла, конечно, всегда уделяла большое внимание черно-белым иллюстрациям и, в частности, черным буквам или цифрам на белом фоне. Возможно, однако, что чистота контура была более важна для Кушлы, чем для Кэрол, и что это стало

отличительной чертой любимых Кушлой книг. Разумеется, этот фактор присутствовал в книгах Ленски и Бруны, в «Доме, который построил Джек» Пеппе, в двух книгах издательства «Ледиберд», в книгах серии «Хоум-Старт» и «Боунар Манипулейтив Букс».

Речь Кушлы в это время все еще была довольно ограниченной в употреблении существительных и глаголов, но к двум с половиной годам стало ясно, что она понимает очень много слов. Теперь главное место заняли книги с простыми, гармоничными рассказами. «Гарри — грязная собака» (Harry the Dirty Dog) Джин Зайон (Gene Zion) и «Загородная прогулка мистера Гамни» (Mr Gumpy's Outing) Джона Бернингема (John Burningham) Кушла готова была внимательно слушать снова и снова, а «Коробка с красными колесами» совершила триумфальное возвращение. И Беатрикс Поттер снова появилась в читательской жизни Кушлы — «История свирепого кролика» (The Story of a Fierce Bad Rabbit). С огромным вниманием были выслушаны очаровательные рассказы Майнарика (Minarik) «Медвежонок» (Little Bear) с иллюстрациями Мориса Сендэка. Эти книги объединяет нечто, обеспечивающее им прочный успех у самых маленьких.

Прежде всего, они подходят детям по теме или по содержанию. Дети в возрасте между восемнадцатью месяцами и тремя годами все больше осознают мир вокруг себя и ценят правильное изображение этого мира. Но для полной идентификации мир в книге должен изображаться через посредство знакомых объектов и фона. Для Кушлы, как и для большинства ее ровесников, игрушечная собачка, которая стала такой грязной, что превратилась из «белой собаки с черными пятнами в черную собаку с белыми пятнами», совершенно понятна, так же как и сама фраза, ее односложные[2] существительные и прилагательные, могут оказаться их первым опытом в том особом удовольствии, которое доставляет человеческому ухо остро отточенное слово.

В этом состоит второе требование к книгам для самых маленьких: употребление слов точных и, тем не менее, свидетельствующих о богатстве языковых запасов, искусно и красноречиво описывающих сцену и само действие. Немногие писатели способны сделать это; немногие издатели считают это существенным для самых маленьких.

А сама история должна развиваться прямолинейно. Отклонения и отвлечения не для детей одного-трех лет. Их просто сбивает с толку избыток информации, они теряют нить повествования.

«Мистер Гамни» служит классическим примером: каждый из героев кажется живым и в действии, и в речи, никакие описания

здесь не требуются:

— Не могу ли я войти, мистер Гампи? — спросил поросенок.

— Хорошо, входи, но не пачкай здесь…

Конечно же, он все испачкал, как мы и думали, и вместе с детьми (которые ссорились), цыплятами (которые махали крыльями), козлом (который бодался) опрокинул — о чем мы догадывались — лодку. Но здесь нет никакого комментария, никакой морали, нет нужды в извинениях; все это подразумевается в действии, в диалоге и, разумеется, в иллюстрациях.

Живая радость кульминации для двухлетних, как и для взрослых, не нуждается в объяснениях — или, возможно, отвергает их. С одной стороны, кульминация дает ощущение разрешения проблемы, повествование непременно достигает высшей точки, которую ребенок с наслаждением предчувствует и которой бывает удовлетворен. С другой стороны, это опыт, который пригодится ребенку при общении с книгами в будущем; диапазон реакций ребенка расширяется. Можно предположить, что в результате этого раннего контакта с прекрасными произведениями пробуждаются критические способности ребенка, что в будущем он недоуменно пожмет плечами, столкнувшись с банальной или претенциозной литературой.

Продолжающееся увлечение Кушлы рифмой, замеченное, когда она была еще совсем маленькой («Кот и Сова», «Дом, который построил Джек»), натолкнуло ее родителей на мысль в два с половиной года почитать ей А. А. Милна. С самого начала Кушла сосредоточенно слушала, даже когда не могла понять текста, фокусируя взгляд на странице и рассматривая маленькие черно-белые контурные рисунки Эрнста Шепарда. (Это оказалось началом длительной привязанности. Ко времени написания этих строк книгу «Когда мы были совсем маленькими» (When We Were Very Young) не сумела превзойти ни одна.)

«Поиграй со мной» (Play With Me), с чудесными рисунками, обманчиво простая история, впервые прочитанная в этот период, пережила увлечение Кушлы другими, более яркими книгами и осталась в числе неизменно любимых. В ней маленькая девочка, удивительно похожая на саму Кушлу, по очереди приглашает маленьких зверей поиграть с ней. Они не испытывают особого восторга, но один за другим снова приходят к ней, когда попадают в беду.

Каждая иллюстрация во всю страницу изображает одну и ту же сцену с небольшими, но значимыми изменениями. Кажется, действие почти понятно без текста, только по картинкам, поэтому так тщательно и точно изображено каждое изменение в позе или

движении.

Мери Холл Этс во всех своих книгах проявляет телепатическую осведомленность в области интересов маленьких детей, осведомленность, которой, к сожалению, часто не хватает работам многих современных писателей. Она воплощает ограниченное видение ребенка и смотрит на мир с высоты роста ребенка: кузнечик на листке, лягушка на земле. Она знает о том, как важно приобрести друзей, и верит в это.

Книга «Поиграй со мной» была опубликована в 1955 году и с тех пор постоянно печаталась одним американским издательством. С 1977 года она публикуется в серии «Паффин».

Книга «Мой брат Шон» (My Brother Sean) Петронеллы Брейнберг (Petronella Breinburg) была совсем другой: поразительно живое изображение маленького негритенка и его пребывание в младшей группе детского сада. Но автор обращается непосредственно к самым маленьким, выражая всеобщие надежды и страхи (хотя Кэрол, которую смутила книжка Роуз Файлмен (Rose Fyleman) «Я думаю, мыши хорошие» (I think mice are nice) и которая спрашивала: «Кто думает?», могла бы и в этом случае задать вопрос: «Чей брат Шон?», если бы книжка уже была написана к ее трем годам).

В период от двух с половиной до трех лет Кушла (не так критично относившаяся к языку) постоянно требовала перечитывать книги. Ее несколько раз оставляли на короткое время (всегда с близкой подругой родителей, которая хорошо ее знала) в Игровом центре, и, возможно, она понимала смешанные чувства Шопа, отчаяние по поводу ухода матери и восторг при виде чудесных игрушек и игр. Кушла при каждом чтении заботливо целовала его плачущее личико и сияла улыбкой, когда в конце книги он «чуть-чуть улыбнулся». Фраза «чуть-чуть улыбнулся», повторяемая вновь и вновь, стала «припевом» в этот период, и она всегда волновалась, когда читали эту часть истории. Она полностью отождествляла себя с Шоном.

В два года и девять месяцев Кушле сразу же понравилась «История Питера-кролика» (The Tale of Peter Rabbit). Вспомнив, что Дороти Уайт подробно описывала реакцию Кэрол на эту книгу, я справилась в «Книгах до пятилетнего возраста». Было интересно обнаружить, что прочитанная впервые именно в этом возрасте книга стала, по словам Дороти Уайт, «в нашей семье, как и в тысячах других, классическим чтением на ночь». Сколько же тысяч детей оказались во власти неувядающего обаяния этой книги за четверть века, разделяющую Кушлу и Кэрол!

В отличие от Кэрол Кушлу никогда не волновало отсутствие на картинке части предмета или части тела героя — в данном

случае тела Питера, спрятавшегося в лейку, откуда торчали только уши. «Где все остальное?» — спрашивала Кэрол. Кушла не задавала такого вопроса, тогда ее мать сама спросила ее. «Вот здесь», — уверенно сказала Кушла, показывая пальчиком на лейку. Могла ли глубокая сосредоточенность на изображаемых образах с такого раннего возраста дать ей хотя бы одно преимущество перед ребенком, чья энергия должным образом тратилась на множество занятий, невозможных для Кушлы?

«Очень голодная гусеница» (The Very Hungry Caterpillar) Эрика Карла (Eric Carle) произвела большее впечатление на новозеландскую публику, чем какая-либо другая книжка с картинками за последние десять лет; она действительно поставила рекорд продаж. Кушла увидела ее незадолго до того, как ей исполнилось три, и, реагируя точно так же, как тысячи других трехлеток, тут же попросила: «Прочитай еще раз». Легко отметить характерные черты книги, труднее точно определить природу ее величайшей притягательности. У книги есть цвет, стиль, кульминация, она предлагает ребенку восхитительную пищу, которая радует его. Взрослым нравится преподанный в книге урок природы (стадии от гусеницы до «бабочки-красавицы» воспроизведены здесь с точностью) и ненавязчиво предложенное знакомство со счетом («В понедельник она съела одно яблоко, но все еще была голодна. Во вторник она съела две груши») и возможность, которую она предоставляет для запоминания дней недели.

Но дети редко принимают в расчет (если принимают вообще) суждения родителей по таким поводам. Книга основана на повторах, и мы верим, что они благотворны (мы знаем, что они популярны), а каждая прочная, плотная страница имеет особый «приз» в виде дырки, в которую проходит палец, чтобы показать, где проползла гусеница. Дырка прекрасно прорезана и отделана — настоящее произведение искусства. Кушла видела ее в перспективе; она понравилась девочке, но не стала для нее потрясением. И большую часть своего времени для чтения она вдруг стала посвящать «Бабушке Люси и ее шляпам» (Grandmother Lucy and Her Hats), оставляя время только для «Гарри», «Мистера Гампи» «Питера-кролика» и бесконечных историй в стихах А. А. Милна.

Кушле в первый раз прочли «Бабушку Люси и ее шляпы», когда ей было почти три года. Догадки относительно того, почему ей полюбилась эта книга, так и остаются догадками; она слушала чтение этой книги дольше, чем какой другой до этого времени, в «Бабушке Люси» она сталкивалась с несколькими незнакомыми предметами и понятиями (мансарда, скрипящие петли, паутина)

и иногда с довольно сложным языком. О коте Томе и кустиках герани в книжке говорилось так: «Он потыкался в них носом, осторожно походил вокруг них на цыпочках, улыбнулся им сияющими глазами». А вот как о том, что обнаруживалось в сундуке: «Иногда скрипка или шелк, который так и льнул к пальцам, или маленький остроносый башмачок, застегивающийся на мелкие пуговки, или пожелтевшая от времени фотография».

Иллюстрации Фрэнка Фрэнсиса просто восхитительны, каждая из них развертывается как целое, текст гармонично расположен на белом фоне. Цвет чистый и яркий, но не резкий, люди и предметы четко очерчены; их нетрудно отделить один от другого. В иллюстрациях есть что-то схожее с манерой Беатрикс Поттер, та же точность и прозрачность, они больше и ярче, но выполнены с таким же вниманием к деталям.

Повествование развивается, тон задает вступление: «Бабушка Люси была очень старенькая, она жила в домике, окруженном красными розами… Когда я приходила к ней в гости, то стучала в дверь. Дверь была толстая и скрипучая, и бабушка всегда говорила: „Надо смазать петли“. Но мы их так и не собрались смазать, и они продолжали скрипеть, а бабушка улыбалась, когда я входила…» Возможно, для Кушлы эта книга служила двум целям: подробное описание домашней жизни подтверждало ее собственный опыт — с бабушкой, котом и чаем с «твоими любимыми пирожными», а бесконечная череда шляп бабушки Люси придает обаяние волшебства этому опыту. Во всяком случае, эта книга сразу же произвела на Кушлу впечатление, которое сохранялось долго, вскоре девочка знала ее наизусть, и фраза за фразой появлялись в ее речи: «падающие горы книг» — в применении к ее собственным книгам, «скользкие пуговки», «одуванчиковые часы».

Шесть месяцев спустя, когда Кушлу попросили показать бабушке, как она может снять повязку с раны перед купаньем, она попробовала, поняла, что повязка слишком тугая, и сказала: «Не могу, даже для того, чтобы порадовать бабушку», — это была точная цитата из «Бабушки Люси».

Снова и снова обращаясь к дневнику Дороти Уайт, я удивлялась тому, что Кушла часто принимала то, что было для нее непонятным. Кэрол в этом возрасте требовала «невероятно много объяснений», в то время как Кушла обходилась без них.

Хотя она слушала внимательно, создавалось впечатление, что слова часто «обтекают» ее, а не «впитываются». Большая настойчивость Кэрол на немедленном объяснении незнакомого явно указывает на проницательный ум, ее развитие явно было выше, чем у Кушлы в том же возрасте. Но, возможно, они были,

по сути, детьми с очень разными склонностями — Кэрол с потребностью знать, прежде чем двинуться вперед, Кушла с явным желанием слушать почти бесконечно, причем часто не понимая слов. Дороти Уайт говорит о неприятии своей трехлетней дочерью «Книги нонсенса» Лира: «…это неприятие могло появиться в результате того, что она редко слышала что-то совершенно непонятное. Словно она ожидает, что слова непременно и точно должны что-то означать…»

Помня о том, что Кушлу всегда трогало стихотворение Лира «Кот и Сова» и что ее мгновенно пленяли ритмичные стихотворения А. А. Милна, можно склониться к мысли, что ее радость могла быть почти целиком чувственной. И эта радость, разумеется, должна восприниматься как часть человеческого опыта, о которой знают и верят в нее, но не могут объяснить. Любовь к языку, чуткость к словам, произносимым и слышимым, сродни любви к музыке, взывающей к чувствам, не нуждающейся в пояснениях. Она не более доступна людям, чем глубокие чувства, которые у некоторых вызывает музыка; но она существует так ярко, что не поддается анализу. Конечно, дети обладают широким диапазоном как чувствительности к языку, так и к музыкальной реакции.

Кушле было ровно два года и восемь месяцев, когда родители торжественно принесли домой ее маленькую приемную сестричку Санчу, восьми дней от роду. «Малышка-сестра» скоро стала признанным членом семьи; к счастью, с самого первого дня она ела, спала, ела и спала снова, проходя все свои этапы развития в рекордное время и быстро становясь уверенной маленькой самостоятельной личностью. Появление в семье Санчи уменьшило напряжение; родители Кушлы больше не сосредоточивались только на ней. У них появился другой ребенок, нуждавшийся в любви и внимании, и долго мучившие их опасения относительно того, что они неспособны вырастить веселого здорового ребенка, с этих пор исчезли.

В сентябре 1974 года, в возрасте двух лет и девяти месяцев Кушлу тестировала Психологическая служба Отделения педагогики Оклендского университета. Использовался Денверский тест психомоторного развития.

Личностно-социальная оценка Кушлы показала уровень на шесть-восемь месяцев ниже ее возраста, то есть между двадцатью пятью и двадцатью семью месяцами. В этой области в отчете упоминалась «некоторая нестабильность», что означало: Кушла «в состоянии помогать в некоторых делах по дому, но не в состоянии сама, без присмотра, одеться».

В данном тесте, где оценивали одновременно и крупные и

мелкие движения, Кушла оказалась на уровне двадцати двух месяцев, в то время как ей исполнилось тридцать три.

Тест на развитие речи показал, что она достигла нормального уровня ребенка двух лет и девяти месяцев, то есть ее собственного возраста.

Наибольшее улучшение Кушлы со времени ее последнего теста в семнадцать месяцев было в области мелкой моторики.

В семнадцать месяцев ее поведение на уровне шести месяцев свидетельствовало о серьезном отставании, в то время как сейчас, в ее тридцать три месяца, оно оценивалось как двадцатидвухмесячное — она явно наверстала время.

Хотя все еще очень некоординированно, Кушла бегала, карабкалась, каталась на маленьком трехколесном велосипеде без педалей, на котором ездят, отталкиваясь от земли ногами.

Как ни удивительно, она научилась делать сальто, хотя у нее не было достаточно сил приземлиться в сидячей позиции. Это вызывало восторг у других детей в Игровом центре, многие из которых были гораздо более развиты физически, чем Кушла, но не обладали такой уверенностью, чтобы попробовать самим сделать сальто.

Она умела втыкать маленькие колышки в отверстия на специальной доске и восторженно чертила толстыми карандашами каракули на простой газетной бумаге. Сложить картинку из деревянных кубиков девочка еще не могла, но было ясно, что она понимает, что кубики надо сложить вместе и что она часто осознает связь двух кубиков (например, кисть и рука человека). Деревянная головоломка с девятью одинаковыми кружками, которые следовало помещать в соответствующие отверстия, была первым настоящим успехом Кушлы в головоломках и дала ей практику в мелкой моторике — поднимании кружков за шишечку на каждом из них. Эта головоломка предусматривает также упражнение в подборе цветов; каждый плоский кружок окрашен тем же цветом, что одно из неглубоких отверстий. Ребенок сначала может не обратить внимания на цвет, затем его умение возрастает. Кушла, быстро освоив эту головоломку, с удовольствием подбирала цвета, хотя называла их еще неправильно.

В области речевого развития Кушла сделала резкий скачок. В отчете отмечалось, что она «употребляет словосочетания, формы множественного числа и т. д.». Ее дикция была еще не очень разборчива, и она все еще использовала косвенные падежи местоимения «я» вместо именительного. Она никогда не говорила о себе в третьем лице, как многие дети («Кушла это сделала»), хотя могла произнести свое полное имя и адрес, когда ее

спрашивали.

Неумение Кушлы самостоятельно одеваться свидетельствовало о том, что она все еще не владеет руками и кистями на уровне нормального ребенка в возрасте около трех лет. Но постоянный, хотя и медленный, прогресс существовал, чему, безусловно, способствовал ее нрав; она часто была беспокойна и невесела из-за плохого самочувствия, но редко сердилась на неудачи, хотя этого вполне можно было ожидать.

Не следует забывать, что Кушла время от времени бывала слишком больна, чтобы проявлять активный интерес к окружению, что у нее все еще был «рваный» сон, а дышала она тяжело и с трудом. Дважды за этот год ее клали в больницу. Оба раза ее состояние ухудшалось настолько, что требовалось вмешательство «скорой помощи».

Психолог, которая тестировала ее в два года и девять месяцев, отметила, что она «в высшей степени сотрудничала во время проведения тестов». Те, кто знал ее в это время, согласятся, что это утверждение верно оценивает подход Кушлы к жизни и обучению.

Этот период показал приобретение Кушлой навыков в области речи, соответствующих ее возрасту, и заметный прогресс в других областях. Обнаружение и выяснение ее генетического дефекта, по крайней мере, Прекратили домыслы, и были основания надеяться, что в будущем тренировки смогут уменьшить, если полностью не устранить часть ее трудностей с координацией.

Был сделан триумфальный шаг в мир «настоящих историй». Начав с «Снаффи» и «Короля» Бруны (за которыми последовали «Дэви и его собака» и «Маленькая ферма» Ленски) и перейдя к «Гарри — грязной собаке», «Загородной прогулке мистера Гампи», «Поиграй со мной» и «Истории Питера-кролика», Кушла продемонстрировала способность прослеживать сюжетную линию, понимать действие и идентифицироваться с героями. «Нелли грязная, совсем как Гарри», — сказала она о собаке своих дедушки и бабушки, когда ей было два года и десять месяцев, а ее эмоциональная реакция на злоключения Питера-кролика, на перевернутую лодку в «Загородной прогулке мистера Гампи» и ее тревожные вопросы («Куда ушла его мама?» — когда Шона оставили в детском саду) не оставляли сомнения в том, что она понимает, что происходит.

Заметки Дороти Уайт о реакциях Кэрол на ее книги зачастую подтверждают нормальность реакции Кушлы; предпочтения Кэрол «понятного мира» (три котенка в «Истории кота Тома» умываются, причесываются, надевают чистые одежки в ожидании

прихода гостей — процедура, которая ей хорошо знакома) соответствуют удовольствию Кушлы при предложении «пойти в гости к бабушке» («Бабушка Люси и ее шляпы» — частое событие в ее собственной жизни).

«У всех в это время должен был быть дом и мама», — записывает Дороти Уайт о своей дочери. И постоянный вопрос Кушлы: «Где мама котенка (щенка, ребенка)?» приходит на память. Обе девочки, с одной стороны, радуются сознанию своей возрастающей независимости (незначительной, но тем более ценной в случае Кушлы), а с другой, нуждаются в подтверждении собственной безопасности, когда «мамы», которых сейчас не видно, готовы прийти и оказать поддержку.

Обеих девочек, кажется, завораживает феномен ночи. В случае Кэрол «Книга для чтения на ночь» (A Child's Goodnight Book) Маргарет Уайз Браун (Margaret Wise Brown) вызывает и отражает постоянный интерес «к темноте», как и «Колыбельная для зверей» (The Animals' Lullaby) Труд Элберти (Trude Alberti). Спокойный, с повторами текст этой книги, который раскрывается в простых, но подробных пастельных рисунках Накатами — идеальное чтение на ночь. У Кушлы она заняла свое место наряду с превосходной «Тише, малыш» (Hush Little Baby) Элайки (Aliki) и «Колыбельными» (Hush-a-Bye Rhymes), изданными Энн Вуд (Anne Wood), среди любимых книг для чтения перед сном. (Неудивительно, что родители Кушлы обзавелись множеством сборников колыбельных. Всегда можно было надеяться, что они подействуют!)

В занятиях девочек, как и следовало ожидать, были заметны различия. О занятиях Кэрол мать писала, что «число их увеличилось, границы расширились, длительность возросла», и дальше, ранней весной 1948 года, она отмечала, что «Кэрол все время занята, и книги играют лишь малую роль в ее жизни». Девочка увлекалась вырезанием, строительством из кубиков. Ни одно из этих требующих ловкости занятий не было доступно Кушле, и повседневная жизнь была бы невозможной как для матери, так и для дочери без постоянного и длительного обращения к книжкам с картинками. «Где больница?» — спросила Кэрол, встретив это слово в первый раз. «Больница» — одно из первых слов Кушлы, ее стерильная территория была для девочки вторым домом.

Нет сомнения, что произошел обещающий рывок вперед в умственном развитии Кушлы вообще и в речевом развитии в частности. В самом деле, после того как девочке исполнилось два года, ее близкие могли больше не бояться, что Кушла останется сильно отсталой в умственном отношении.

Однако этой точки зрения мог не разделять сторонний наблюдатель, потому что отличия Кушлы от обычного ребенка были заметны. Ее руки все еще свисали в странном положении, а лицо выражало озадаченность и замешательство. Ее попытки сфокусировать зрение приводили к тому, что она часто дергала головкой, а движения ее были некоординированы. Она часто падала, легкое прикосновение могло лишить ее равновесия, и она все еще часто роняла предметы.

Но и еще в одном отношении Кушла отличалась от других детей. Ее общение с людьми, несмотря на боль и неудобство, от которых она страдала, убедило ее, что мир — вполне дружественное место. Девочка понимает, что в ее трудностях «никто не виноват», поскольку она была одинаково доверчива и дружески расположена ко всем людям, детям и взрослым, знакомым и незнакомым. Словно девочка поняла, что она необычайно зависит от других людей, и готова, даже полна решимости обратиться к ним за помощью.

Эта особенность сама по себе вызывает легкое беспокойство; трехлетние дети обычно сдержанны, пока не «познакомятся» с человеком. Но Кушла получала огромную поддержку от людей, круг которых выходил далеко за пределы близкой родни — это были и друзья, и родители детей из Игрового центра. Более того, она сталкивалась с людьми, помогавшими детям и получавшими от этого удовольствие. На этом фоне ее доверие и дружеское отношение понятны. Эти черты Кушлы способствовали тому, что ее полюбил широкий круг людей, что они ощутили за ее внимательным взглядом ищущий ум, решительность и силу духа, которые всегда были видны тем, кто умел видеть.

Каждый этап ее развития — это достижение, результат трудов многих людей. А Кушла, несмотря на свои отклонения, проходила эти этапы.

ГЛАВА ПЯТАЯ
Март 1975 года: Три года и три месяца

К марту 1975 года здоровье Кушлы стало более стабильно, чем в какой-либо период предыдущего этапа ее жизни. В сентябре она перенесла тяжелую ушную и горловую инфекцию, которую было необходимо лечить с помощью антибиотиков. С тех пор ее самочувствие заметно улучшилось.

Сейчас она могла бегать почти свободно, хотя несколько некоординированно, и достигла относительного контроля над своим любимым маленьким трехколесным велосипедом. Она все еще с трудом фокусировала зрение, в частности, когда сталкивалась с новым изображением или входила в комнату. В этих случаях усилия девочки сориентироваться, в том числе энергичные движения головы, иногда лишали ее и так ненадежного равновесия. Кушла постепенно стала пользоваться руками, причем выяснилось, что большая часть нарушений затрагивала крупные мышцы руки, а не мелкие мышцы кисти и пальцев. Ее руки продолжали висеть, отведенные за спину, в том же положении, что было отмечено с самого рождения. Выставить руки вперед и схватиться за что-нибудь ей было трудно, а поскольку она плохо удерживала равновесие, то нередко падала. «Посмотри, как я быстро бегу», — стало одной из повторявшихся просьб Кушлы, но выполнить ее было нелегко из-за частых падений девочки.

В январе 1973 года семья Кушлы провела некоторое время в Карекаре, на западном берегу неподалеку от Окленда. Несколько лет назад дедушка и бабушка Кушлы купили здесь полтора акра земли, примыкающей к побережью. На участке стояло три дома: один заброшенный, второй — построенный на рубеже веков, который семья постепенно приводила в порядок, чтобы он служил летним домом, третий — раньше служил складом.

Семье нравились дикость и уединенность Карекаре, она ежегодно проводила там школьные каникулы, с тех пор как Патриша и ее братья и сестры были детьми.

Именно в это время у родителей Кушлы появилась мысль перебраться в Карекаре на постоянное место жительства. Они все еще жили в квартире в Девенпорте, и вероятность, что они сумеют построить что-либо на собственном участке у моря в Пареморемо, в ближайшее время была невелика. Теперь, когда

Кушла могла бегать, квартира, расположенная на первом этаже, оказалась бы как нельзя кстати: во-первых, девочке не надо будет преодолевать ступеньки, во-вторых, она сможет часто выходить гулять. Физическое развитие младшей девочки шло быстро, и было ясно, что скоро имеющаяся квартира станет еще менее удобной.

Патриша и Стивен решили немедленно переехать в более старый дом и заняться расчисткой и полным обновлением здания склада, а затем перебраться в него.

Это произошло в конце января. В описываемое время Патриша и Стивен с двумя маленькими девочками уже перебрались из старого дома в бывший склад. Несколько недель спустя сестра Патриши Вивьен, которая преподавала в Окленде, и ее муж Клайв решили присоединиться к ним, превратив старую мастерскую, имеющую общую стену с соседним домом, в просторную спальню-гостиную. У обеих семей были машины, и им было удобно оставлять одну машину в Карекаре для матери с детьми, а на другой работающие взрослые каждый день уезжали в Окленд, до которого было около часа езды.

Четверо взрослых и двое детей создали небольшую общину в Карекарс, у них скоро появились новые друзья. Обновление дома продолжалось, вокруг него посадили сад, завели собаку, кошку и козу. Щеки Кушлы порозовели, ее маленькое тельце приобрело крепость, какой не обладало никогда раньше. Санча, маленькая приемная дочь, была хорошенькой, умной и, прежде всего, здоровой девочкой. После трех лет страхов и неуверенности, казалось, начался более спокойный период.

Мать Кушлы вела подробные записи «взаимодействия» девочки с книгами в марте 1975 года. Пыталась соотнести информацию из этих записей с постепенно усложняющейся речью Кушлы и ее общим умственным развитием.

Понятно, что, имея дело с семимесячной малышкой и требовательным трехлетним ребенком, мать Кушлы зачастую не могла записать ни слова в течение долгих периодов дня.

Однако, несмотря на трудности, в этом месяце сделано двадцать семь записей.

Мать Кушлы всегда держала при себе блокнот и делала записи немедленно, предпочитая точность аккуратности. Большинство записей украшено «добавлениями» Кушлы. Потрепанные страницы блокнота с отпечатками грязных пальцев свидетельствуют о постоянном его присутствии повседневной жизни семьи.

Когда предоставлялась возможность, делались магнитофонные записи. С ними возникали различные проблемы,

когда Кушла была мала, но тем не менее таким образом был собран очень полезный материал.

К Рождеству 1974 года, когда Кушле исполнилось три года, она отдавала значительное предпочтение «настоящим историям», и ей читали их довольно много. «Рождественская книга» (The Christmas Book) (автор Бруна) была ее первой встречей с рождественской историей, и она была очарована. Короли и, в особенности, ангелы — широкие, стилизованные, четко очерченные маленькие фигурки, их короны и крылья — были изучены, заново изучены, поглажены, поцелованы, их двойники обнаружены или придуманы во множестве похожих и непохожих обрамлений. «Король» (автор Бруна) был, разумеется, любимой книгой Кушлы с восемнадцати месяцев, а знаменитый король Милна, который просил «только масла», был старым знакомым. (Кушла в течение этого месяца находила сходство с ним в увенчанной короной символической фигуре на пакете из универсама и, нагнувшись пониже, чтобы как следует рассмотреть его, бормотала: «Просил я только масла на завтрак мне подать!»)

Книга «Тигр, который пришел к чаепитию» (The Tiger Who Came to Tea) Джудит Керр (Judith Kerr) обладала всеми классическими чертами: знакомое детям окружение (девочка Софи и ее мама собираются выпить чаю), примесь экзотики в виде тигра, который появляется, позвонив у двери, чудесная лаконичность языка, перечисление знакомых и любимых вещей («Он съел все лежавшие на блюде булочки… все печенья и весь сладкий пирог… И выпил все молоко из кувшина, и весь чай из чайника… и весь апельсиновый сок, и все папино пиво, и всю воду из крана»). Большинство детей в возрасте от трех лет и старше получает огромное удовольствие от неправильного поведения других; возможно, с оттенком ревности, поскольку от них все чаще ждут социально одобряемого поведения. Даже Кушла, не привыкшая к запретам, казалось, понимала, что поведение этого тигра возмутительно! Но он был обаятелен и очень вежлив, и Софи была совершенно им очарована. В книжке есть чудесные рисунки, изображающие, как она сидит у его ног и смотрит на него или нежно обвивает его хвост вокруг своей шеи, пока он предается обжорству.

В конце концов, все оказывается съеденным, и тигр уходит. Затем Софи и ее ошеломленные, но не порицающие тигра родители идут «в темноте» в кафе и едят «прекрасный ужин, с сосисками, чипсами и мороженым». Кушла, которую еда вообще мало интересовала и которую нельзя было уговорить попробовать мороженое, не могла оторваться от этой великолепно

нарисованной картинки семейного похода в кафе; «кафе» стало одним из ее любимых слов, а посещение кафе — одно из наиболее часто высказываемых желаний. Иллюстрации в этой книжке удивительно лаконичны; на них только все самое главное, но все, что перечислено, изображено, рядом с каждой иллюстрацией — соответствующий краткий текст. Цвет использован сдержанно, но действенно. Рисунки обладают четким контуром, что, по всей видимости, наилучшим образом подходит для особенностей зрения Кушлы.

На примере этой книги Кушла еще раз продемонстрировала свою готовность воспринимать то, что рисованный объект может быть не только реальным, но и воображаемым. Когда звонит звонок, мама Софи рассуждает: «Это не может быть молочник, потому что он приходил сегодня утром… И это не может быть папа…» Каждая из возможностей изображена, и здесь невольно вспоминается описание Дороти Уайт книги «Домашние звуки» (Indoor Noisy Book), в которой есть вопросы: «Кто идет по лестнице? Моряк? Солдат?». На самом деле это ни тот и ни другой, но оба они изображены, и Кэрол, в возрасте двух лет и восьми месяцев, спорила с матерью: «Нет, вот же он», — и переубедить ее было невозможно. Дороти Уайт считает, что если объект существует только в воображении одного из героев, его не следует изображать, и в заключение приводит теоретическое обоснование своего мнения: «Поскольку для ребенка то, что изображено, существует, равно как то, что не изображено, не существует». Она описывает отказ Кэрол воспринимать часть человека или предмета как существующие, если они не изображены (приводя в пример мать, «отрезанную по талии», о которой Кэрол спрашивала: «А где мамина голова?»). Кэрол проявляла недоумение по поводу этой иллюстрации, когда ей было более трех лет (14 ноября 1948), в то время как Кушла, «читая» «Тигра, который пришел к чаепитию», казалось, ясно понимала, что это был «не молочник, не папа…», несмотря на то что и тот и другой были изображены.

Род тигров в это время достиг популярности, которая не иссякала. Каждый тигр, с которым встречался «Негритенок Самбо» (Little Black Sambo) (эти книги стали читать примерно в то же время), собирался съесть его, пока тот не предлагал раз за разом свое хорошенькое красное пальтишко, синие брючки, зеленый зонтик и свои «красивые фиолетовые ботиночки с малиновыми подметками и малиновой подкладкой», но, несмотря ни на что, Кушла продолжала любить тигров. Она радостно переворачивала страницы книги «В зоопарке» (At the Zoo), пока не находила ту, где были изображены тигры, отыскивала еще

нескольких в «Кто мы?» (Who Are We?) и снова и снова повторяла фразы из этих историй: «большой, меховой, полосатый тигр» из «Тифа, который пришел к чаепитию» и «Теперь я самый большой тигр в джунглях!» из «Негритенка Самбо». Кушла никогда не боялась этой книги, хотя ее часто считают слишком страшной для трехлетних детей. Возможно, как предполагает Дороти Уайт, большое значение имеет то, что в начале истории негритенок Самбо находится в безопасном кругу семьи, поскольку Кэрол тоже «не обнаруживала страха», слушая книгу.

Несколько других «настоящих историй» тоже полюбились Кушле. «Автомобиль мистера Гампи» (Mr Gumpy's Motor Car) Джона Бериипгама (John Burningham) редкое достижение. Очень удачный сиквел. Дети и звери, которые хотят поехать вместе с мистером Гампи на машине, точно так же веселы и безответственны, как в первой книге, а сам мистер Гампи столь же невозмутим и терпим. Все замечательно, в конце мистер Гампи еще раз приглашает их всех к себе, на этот раз поплавать на пруду. Прекрасный ряд звукоподражательных глаголов изображает продвижение автомобиля к вершине холма. Кушла знала его наизусть и несколько раз повторяла вполне к месту, когда их собственный автомобиль тяжело взбирался на холм от Карекаре к шоссе — «…напрягался, тужился, тяжело дышал, скользил, полз, и медленно продвигался к вершине холма». Это как раз то, о чем Дороти Уайт говорила — «от книг к жизни и обратно».

«Гарри — грязная собака» (Harry the Dirty Dog), «Весна Жанны-Мари» (Springtime for Jeanne-Marie), «Маленькая красная курочка» (The Little Red Hen) и «Три сердитых козла» (The Three Billy Goats Gruff) — для всех этих книг характерно развитие сюжета, приводящее к кульминации, лаконичный текст сопровождается замечательными иллюстрациями, поясняющими в них — даже интерпретирующими — текст, обращенный непосредственно к трехлетним детям. В марте 1975 года эти книги были прочитаны десятки раз. В то время, когда Кушле предстояла операция, книга про Жанну-Мари ценилась так высоко, что мать сделала ей мягкие игрушки, главных героев этой книжки, Жанну-Мари, Жана-Пьера, ягненка Патапона и уточку Мадлон, чтобы Кушла могла играть ими в больнице.

Но самое большое впечатление на Кушлу в этом месяце произвела книжка «Три сердитых козла». Вот запись ее матери, датированная 23 марта 1975:

«Сегодня утром в первый раз читали новую книжку, „Три сердитых козла“ Пола Голдоуна (Paul Galdone). Обычно, без комментариев; Кушла показалась мне взволнованной. Позже днем

она взяла книгу, уселась и „прочитала“ следующее:

„Эта книга про козлов. Смотри, мама (держит книгу, показывая матери изображение тролля, занимающее всю страницу). Тролль упал в воду с ужасным шумом. Я нашла тролля. Я боюсь тролля. Тролль хочет поиграть (дает троллю игрушечного кролика). О-о-о-о! Троллю нравится! Тролль меня ужасно напугал. Тролль говорит „Р-р-р-р!“ О-о-о-о, посмотри, что случилось — козел забодал тролля! О-о-о-о, я ужасно испугалась. Видишь, что случилось? Тролль стоит в воде на голове. Козел поднимается на холм повидаться с другим козлом. Пусть Триша (мама) купит мне тролля в магазине. Пожалуйста, напиши имя тролля (заметив, что мать пишет). Я вытащила у тролля глаз (щиплет страницу). Тролль упал в воду — бух! Тролль утонул“.

Надо заметить, что Кушла слушала эту книгу только один раз (пять часов назад, в тот же день). Хотя она усвоила слова „тролль“ и „козлы“, фраз она не запомнила. Но она уловила суть истории. Казалось, ей нравилось слово „тролль“, оно и пугало, и привлекало ее; в записи она упоминает его не менее пятнадцати раз, как будто бы ей доставляет удовольствие само слово, независимо от того, нравится ли ей сам персонаж. (Позже, в этом же месяце, на Пасху, кошку Кушлы застали за тем, что она ела одно из пасхальных яиц. „Ты плохая кошка-тролль!“ — с чувством воскликнула Кушла».

Ее мать завершает запись в дневнике:

«Вечером мы с ее отцом снова прочли Кушле эту историю по ее просьбе, ее очень волновал тролль, она хлопала в ладоши и дрыгала ножками от восторга. Как будто ей нравилось пугаться!»

В этой книге Голдоун в большой степени пользуется теми же приемами, что и в своем «новом» прочтении «Трех медведей» (The Three Bears), о чем речь пойдет позже в этой же главе. Изображения козлов, взбирающихся на мост, захватывают своим статичным драматизмом; художник использует пространство разворота двух очень больших страниц (в общей сложности, 44x28 см), и результат весьма впечатляющ. Сам тролль состоит почти целиком из головы с курчавыми волосами, черты его лица злобны и одновременно проказливы. Кушла изображала тролля (и ни разу не изображала козлов) с буйным весельем, всегда выскакивая из-под стола, которому отводилась роль моста, и крича: «Вот сейчас я тебя съем!» задолго до того, как подходил нужный момент.

Этот период также показывает, что Кушлу все больше радует абсурд в книгах. Это началось с «Эммы наоборот» (Emma Quite Contrary) Гупиллы Уолд (Gunilla Wolde), затем продолжилось

книгой «Не хочу, сказала Сара» (I Don't Want To) Ханса Питерсона (Hans Peterson). В обеих книжках маленькие героини совершают смешные и невероятные действия. Эмма действует «здесь и сейчас», а Сара покидает мир реальности, держась за конец волшебного каната. «— Отпусти канат! — крикнула мама. — Не хочу, — сказала Сара. И улетела».

Эмма надевает трусики на голову, и Кушла на следующее утро с визгом и смехом следует ее примеру. «Совсем как глупышка Эмма», — говорит она, пользуясь фразой, которую слышала от детей в Игровом центре и с удовольствием повторяет. Эмма произвела заметное впечатление на Кушлу, и спустя пять месяцев все еще постоянно возникала в ее речи. «Эмма не любит непослушные кубики, она пинает их ногой, когда они падают», — услышала однажды мать Кушлы, когда собственная неуклюжая постройка девочки рухнула и она последовала примеру Эммы. «Кушла тоже не любит непослушные кубики?» — спросила ее мать. «Я не Кушла, я Эмма, а Эмма взлохмачивает свои волосы, так что становится похожа на косматую собаку!» — ответила Кушла, взъерошивая свои собственные волосы.

Отличительная черта этих книжек и книги Джудит Керр «Мог, забывчивая кошка» (Mog, the Forgetful Cat, Judith Kerr) — их абсурдность; трехлетним детям не так нужна изысканность, как фарс.

В области счета и чисел к книге «Я умею считать» Бруны добавилась книга Клэр Бауз «Сколько?» (How many? Clare Bowes), новозеландская книжка, в которой фигурируют местные животные и предметы: «две туатары, шесть пальм-никау, три птицы туи». Родители Кушлы убедились, что девочка понимает число «три»: она могла не только отобрать один, два или три кубика, но и сосчитать предметы по одному до трех. Это нормально для трехлетнего возраста. Кушла еще раз продемонстрировала свое чувство юмора. Однажды, слушая «Я умею считать» (которую сама попросила прочитать), она схватила эту книжку у матери, когда та читала «шесть носков», радостно крикнула: «Нет, шесть пальм-никау!» — и заразительно рассмеялась. Девочка показывала картинку нескольким присутствующим людям, повторяя «шесть пальм-никау» и ожидая, что они засмеются. Конечно, они смеялись. На следующее утро она попросила почитать «Сколько?», и когда мать дошла до «шести пальм-никау», рассмеялась и воскликнула: «Видишь?! Видишь?!», явно вспоминая вчерашнюю шутку.

В это время у Кушлы заметно развилось умение сравнивать размеры предметов благодаря книге Пола Голдоупа «Три медведя» (The Three Bears, Paul Goldone), новому пересказу

традиционной сказки, в которой звери огромные и неуклюжие; настоящие медведи, а не «ряженые» люди. Сама книга большого размера (26х26 см), а героиня-девочка не отличается красотой. «Маленький малыш, средний и очень большой» медведи предоставили Кушле новые возможности для классификации, и в течение нескольких недель ребенок использовал их до предела. Ее собственные пальчики на ногах, гирьки от кухонных весов, буханки хлеба и замки из неска — все подвергалось этой системе, и было ясно, что девочка поняла ее принцип. Однажды она взяла с полки книгу, которой не интересовалась несколько месяцев, — «Маленький, большой, самый большой» (Little, Big, Bigger) — и стала читать. Книга начиналась с «Маленького слоника, большого слона, самого большого слона»; затем она использовала новый ход: «Маленький малыш домик, средний дом, очень большой дом» — и так до конца книжки.

Это было все более заметное и отрадное свидетельство того, что Кушла наконец начала осваивать мир вокруг нее, вместо того чтобы ограничиваться прямым «обучением», как, казалось, обстояли дела раньше. Найдя ежедневник, она перелистывала одну за другой страницы. «Это понедельник, это вторник». Затем, обнаружив в конце карту: «Пойдем вокруг, пойдем сюда вниз», указывая пальцем дорогу. Кроме того, она, казалось, вдруг сообразила, что в магазине можно купить почти все. Это привело к некоторым своеобразным просьбам: «Пожалуйста, купи мне динозавра!» (из книги «Что большое?» Уинга («What is big?» Wing). Ее речь, была хотя вполне попятной, но отрывочной; она часто опускала артикли, союзы и вспомогательные глаголы «быть», и почти так же часто она употребляла неправильные глагольные формы. Однажды Кушла выстроила в ряд голубые колышки на игровой доске и сказала: «Me make blue road. Sophie go down to cafe», что при верном прочтении должно означать: «Я делаю голубую дорожку. Софи пойдет по голубой дорожке в кафе». То есть в двух фразах Кушла поставила первое лицо местоимения в неправильном падеже, два глагола в неправильных формах и опустила два неопределенных и один определенный артикли. И, однако, это высказывание обнаруживает и знания, и воображение, и память. (В «Тигре, который пришел к чаепитию» Софи с родителями «идут по дорожке в кафе».)

Возможно, возникнут вопросы: почему Кушла все еще не создавала в больших количествах «слова, несущие смысловое содержание, — как правило, существительные, прилагательные и наречия» (Браун и Белладжи, 1964) и не служит ли это показателем того, что ее речь в большей, чем обычно, степени

подражательна?

Кушла в этот период проводила довольно много времени, «читая» вслух сама себе свои книги. Несомненно, у нее развилась цепкая память. Ее мать записывает во вторник 20 марта:

«К. снова читала сама себе в течение сорока минут. Книги в таком порядке:

„Эмма наоборот“

„Весна Жанны-Мари“

„Я и моя летающая машина“ (Me and My Flying Machine)

„Ленивый медведь“ (The Lazy Bear)

„Загородная прогулка мистера Гампи“

„Автомобиль мистера Гампи“

Слова произносит правильно, иногда неотчетливо фразы».

Она также знает наизусть множество песен и стихов, которые постоянно поет или повторяет во время игры. Ее мать написала список тех, что слышала чаще всего в марте:

Мы идем, Луби-Лу Хороводная

Мерцай, звездочка, мерцай Тише, малыш

Порою, когда придут холода

Качайся, мой мальчик

Ты скажи, барашек наш

Вниз от станции

Этот старик Пудинг с фигами (семейная версия Рождественского гимна).

Она знала наизусть почти все стихи из милновского сборника «Когда мы были совсем маленькими». Другой сборник, «Сборник стихов для малышей», вошел в обиход несколько месяцев назад и теперь был в числе любимых книг. Он составлен Барбарой Айрсон (Ireson) и замечателен продуманным подбором стихотворений. Слишком часто в подобных сборниках уровень стихотворений не выдержан, а в этом — можно, не сомневаясь, выбрать любое. Кушла была рада найти несколько своих любимых стихотворений Милна в новой книге и старательно сравнивала их с первоисточником.

Не было никакого сомнения, что рифма и ритм этих стихотворений привлекательны для чувственного восприятия Кушлы; этого нельзя было не заметить, увидев ее неизменный отклик на милновский «Остров» — стихотворение, которое, очевидно, вызывало у нее узнаваемый образ.

Она слушала, не проронив ни слова, опьяненная ритмом, с горящими глазами.

Вверх, вверх, вверх, покачиваясь и оступаясь,
За угол, туда, где осыпавшаяся скала,
По этому склону,
Через валун,
На самый верх, где стоят шесть деревьев…

Кушла знает это стихотворение наизусть и повторяет его, все три строфы и замыкающее двустишие, при этом нельзя не вспомнить предписание Ив Мерриам (Eve Merriam) «Как съесть стихотворение»:

Не церемонься.
Вгрызайся,
Подпихивай его пальцами и слизывай сок,
Который потечет по подбородку…
Потому что здесь нет ни сердцевины,
ни стержня,
ни кожуры,
ни косточки,
ни семечка,
ни шкурки,
которую надо выбрасывать.

Конечно, всему этому Кушлу «научили». Нельзя недооценивать механически заученного ею наизусть объема материала, который помогает ей осваивать речь и затем создавать языковые модели.

Кэзден (Cazdan) (1968), обсуждая проблемы овладения языком у ребенка, пишет:

«Наряду с разнообразием существует хорошо усвоенная практика. В нее могут входить предложения типа „Я не знаю“, а также фрагменты детских стихов и песен и, возможно, самое главное, фразы из книг, которые ребенку читали много раз. Прошло много времени с тех пор, как Кэрролл (Carroll) (1939) предложил: „На гипотезе, что заучивание наизусть представляет собой важный фактор в развитии речи, может быть построено интересное исследование“. Это исследование все еще предстоит сделать».

В 1975 году его все еще предстояло сделать. Эффективность стимуляции книгами можно было бы проверить только путем сравнения Кушлы с ребенком, имеющим такие же дефекты, но не получающим подобной стимуляции, но такого ребенка не было или не могло быть. В действительности же, разумеется, родители

Кушлы не рассматривали это как «стимуляцию». Это просто был их способ разнообразить ее жизнь — жизнь, которая иначе была бы беднее.

Этот месяц воспроизведен в деталях как некий «идеальный» для Кушлы период.

Рассматриваемый краткий период был безмятежнее любого другого отрезка ее предыдущей жизни. Никакие инфекции или чрезвычайные происшествия не нарушали покоя этих дней. Родители радовались успехам Кушлы, быстрому развитию ее маленькой сестры. Их убеждение, что переезд в Карекаре благотворен для всей семьи, получало подтверждение.

Мать много записывала за Кушлой, что дало непредвиденный побочный эффект; Кушла начала интересоваться письмом и часто просила мать «напиши мое имя», «напиши папино имя» и т. д. Вскоре из этого получилась игра: мать писала поочередно имена членов семьи, а Кушла по очереди показывала на них и произносила. Она уже знала заглавные К. (Кушла), П. (Патриша) и т. д., и это, несомненно, помогало ей распознавать имена. Однако девочка быстро выучила различие между «Санча» и «Стивен», несмотря на одну и ту же начальную букву. Вот запись ее матери от 10 марта:

«К. очень интересуется написанием имен и слов. Держит карандаш почти нормально, только большой палец загнут вокруг него. Начала рисовать маленькие, старательно выписанные знаки вместо больших широких каракулей. Но совершенно неразборчиво — К. переводит их для нас».

Месяцем позже она записывает:

«Кушла теперь рисует неровные „К“ (Кушла) везде — на бумаге и на песке. Не всегда правильно».

Совершенно очевидно, что к этому времени Кушла знала, что текст в книге содержит речь. Часто она «читала вслух» из взрослой книги без рисунков.

За последние несколько месяцев девочка твердо усвоила основные цвета, а неофициальное «тестирование» в конце марта показало, что она добавила к ним без специального обучения еще и фиолетовый.

Недостаточная координация движений руки, кисти и пальцев у Кушлы все еще давала себя знать — девочка не могла сложить даже самый легкий паззл. Создавалось впечатление, что она знает, куда надо приложить отдельный фрагмент, по неловкость пальцев мешает ей попробовать. Поэтому кто-то из взрослых «помогал» ей справиться с этой задачей, что давало ей некоторый опыт в обращении с головоломкой.

Одной из сильных черт Кушлы, если принимать во внимание ее физические недостатки, было отсутствие у нее разочарования или гнева из-за собственной беспомощности. После неудачных попыток она не падала духом. Таково было (и остается) ее отношение к запутанным головоломкам.

Несомненно, развитие Кушлы шло стабильно со времени ее последнего тестирования в два года и девять месяцев. Ее речь заметно обогатилась как в смысловом отношении содержания, так и в отношении синтаксической структуры. Кушлу интересовали письменные заглавные буквы, она могла теперь «читать вслух» большое число книг, согласовывая текст с картинками. Она правильно употребляла слова из книг, которые ей читали, в новом контексте и демонстрировала способность делать выводы из прочитанного материала («Я не слышу запаха этого костра, только нашего огня», — сказала, указывая на камин, когда ей встретился костер в книге «Запахи, которые мне нравятся» (Smells I Like).

В эмоциональном отношении ей приходилось мириться с тем, что энергичная семимесячная сестренка забирала время и внимание родителей, а в реальности — сталкиваться, как и всем другим первенцам, с тем, что книжки могут быть порваны, а игрушки могут сменить владельца или даже сломаться в руках другого ребенка. Кушла поняла это в процессе роста.

В физическом отношении она никогда не чувствовала себя так хорошо. Родители понимали, что это неизбежно означает приближение давно запланированной операции на почках, хотя и не уменьшало их радости при виде того, как девочка развивается. Жизнь для Кушлы и для них стала другой, совершенно радостной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
От трех лет и трех месяцев до трех лет и девяти месяцев

В марте 1975 года при очередном обследовании в Оклендской больнице детский врач, которая вела Кушлу, сообщила о своем намерении проконсультироваться с урологом по поводу операции или удаления левой почки Кушлы.

Сохранялась угроза распространения инфекции на правую почку или другие органы; только слабое здоровье Кушлы и ее нестабильное состояние не позволили провести операцию раньше.

В течение апреля были сделаны необходимые анализы, чтобы удостовериться, что Кушла действительно достаточно сильна для операции, и девочка перенесла их бодро. Ее родители старались подготовить ее к тому, что должно произойти, в результате она рассказывала, что «поедет в больницу и будет там ночевать», и говорила друзьям: «доктор собирается привести в порядок мой животик».

Запись в дневнике ее матери от 30 апреля: «…в больнице большую часть дня анализы. К. охотно сотрудничает с персоналом и очень довольна своим пребыванием здесь».

По настоянию родителей Кушлы и при содействии руководства больницы (которое теперь разделяло их взгляды по этому поводу), были сделаны приготовления, чтобы семья Кушлы могла там «поселиться». В течение десяти дней, которые Кушла провела в больнице, ее отец каждую ночь ночевал в ее палате. Ее мать с младшим ребенком (теперь восьмимесячным), остановилась у друзей, живших неподалеку от больницы, и приходила каждое утро. В первые несколько дней родители сменяли друг друга в течение дня. Когда Кушла стала чувствовать себя лучше, оказалось вполне реальным, чтобы семья — мать, отец и две их дочки — проводили день вместе. Бабушка Кушлы сменяла родителей каждый день после обеда, давая им возможность выкроить время для младшей девочки. В последние дни пребывания Кушлы в больнице погода была хорошей, и все семейство прекрасно проводило время на территории больницы — с Кушлой в кресле на колесиках и Санчей в прогулочной коляске.

Операция на почке оказалась возможной и была сделана. Как было описано ранее (см. гл. 1), при гидронефрозе почечная

лоханка так увеличена, что с помощью рентгена нельзя определить состояние самой почки. При операции выяснилось, что размер почки нормальный. Было принято решение убрать излишек ткани лоханки, восстановив ее нормальное строение, и обеспечить хороший отток мочи, чтобы почка могла выполнять свою часть работы по выведению шлаков из организма.

Операция была сложнее обычной. Чтобы осмотреть селезенку и другие органы, хирург решил сделать разрез спереди, хотя в таких случаях его обычно делают сзади. Операция по восстановлению почки более тонкая, чем удаление, а при разрезе спереди выполнить ее особенно трудно.

Последовало несколько тревожных дней, пока не выяснилось, что прооперированная почка работает. В этот период Кушла была окружена бутылочками — из одной ей в руку вливали физиологический раствор, в другую капала кровь и прочая жидкость, а в третью (с которой она рассталась только за день до выписки) собирали мочу, чтобы сравнить с количеством, которое проходило через нормальную почку и нормально выходило из организма, пока это количество не сровнялось.

Кушла прекрасно держалась в эти тяжелые дни, сотрудничала, как могла, и демонстрировала необыкновенное понимание ситуации. Может быть, девочка не знала, почему нужны такие неприятные процедуры, но ясно понимала эту необходимость. Доктора и сестры в один голос отмечали ее терпение во время процедур, зачастую утомительных и болезненных; она предупреждала тех, кто навещал ее: «Осторожно с моими бутылочками!» — и просила, чтобы ей ставили термометр под мышку, а не в рот.

Кушла вышла из больницы, потеряв в весе шесть фунтов. Она была худенькой и бледной, но оперированная почка работала хорошо, и никаких осложнений не возникало.

Все три предыдущие зимы в жизни Кушлы ее приходилось срочно класть в больницу, так как ее здоровье ухудшалось до угрожающего уровня. Зима 1975-го дала новую надежду: Кушла, хотя и перенесла очередную ушную инфекцию, простуду и тонзиллит, обошлась только помощью семейного доктора, дома. Из-за судорог, связанных с высокой температурой в июне, ей прописали фенобарбитал, который всегда был под рукой на такой случай.

Через месяц после операции Кушла была в состоянии начать еженедельные уроки плавания в бассейне детского общества инвалидов и, несмотря на то, что пропустила некоторое время из-за болезни, делала заметные успехи. Ее уверенность в себе продолжала расти, а лето, проведенное в Карекаре, где пресный

ручей, который каждый прилив пополнялся соленой водой, служил идеальным плавательным бассейном для маленьких, способствовал дальнейшим успехам.

В августе ей купили большой педальный трехколесный велосипед, и Кушла научилась кататься на нем, хотя все еще часто пользовалась своим прежним маленьким трехколесным велосипедом. Когда Кушла выросла и стала сильнее, новый стал ей нравиться больше, а старый сделался игрушкой.

За год Кушла стала гораздо лучше бегать и играть. Она теперь проходила большие расстояния по твердому песку пляжа, взбиралась на дюны и вообще вела деятельную жизнь, характерную для трехлетпих детей. Она все еще легко падала, и руки ее были очень слабы, но мало-помалу ей стала доступна нормальная деятельность ребенка. Игровой центр в Ваиатаруа (в который семья вступила в начале года) решил проблему с партнерством, и мальчик моложе Кушлы, живший неподалеку, играл с ней почти ежедневно.

Координация «глаз-рука» улучшалась, хотя и медленно. Ей все еще были трудны паззлы, она нуждалась в помощи при одевании (явно в большей степени, чем средний ребенок, в соответствии с тестами Гезелла). Она могла теперь рисовать красками, беря отдельную большую кисть для каждого цвета и кладя каждую кисть в отдельный стаканчик. Часто получались узнаваемые фигура или предмет, которые она описывала словесно. После длительных упражнений Кушла также научилась действовать ножницами, и к ее занятиям добавилось вырезание.

В три года и восемь месяцев Кушла выучилась прыгать (на месте), держа ноги вместе. Хотя это выглядело неуклюже, но требовало сосредоточенности и усилий, и, несомненно, приносило ей глубокое удовлетворение. Она не уставала демонстрировать свое умение, здесь можно вспомнить, как два года назад она научилась хлопать в ладоши и какое удовольствие это ей доставляло.

Общение Кушлы с книгами теперь делилось почти поровну между ее собственным «чтением вслух» и чтением взрослых. Она приобрела привычку рано утром приходить в постель к родителям со стопкой книг в руках. Кушла «читала вслух», часто около часа, прибегая к помощи кого-нибудь из них, только если книга была новая и ей требовалась помощь.

В это время отмечено, что Кушла стала больше ценить смешное. «Моя кошка любит прятаться в коробках» (My Cat Likes to Hide in Boxes), написанная новозеландкой Ив Саттон (Eve Sutton), вскоре была выучена наизусть, Кушла «представляла» ее бесчисленное множество раз с неизменной радостью. Книга

состоит из рифмованных двустиший и начинается так:

> Французская кошка
> любит петь и танцевать,
> а моя кошка любит прятаться в коробках…

и на каждом развороте добавляются новые двустишия. Все они абсурдны, и в целом получается прелестный список разнообразных глупостей. Можно было предвидеть, что «норвежская кошка застряла в дверях» войдет в повседневную речь Кушлы. Ряд сопровождающих иллюстраций ничем не примечателен, но неплох. В этой книге замечателен текст. Он обладает ритмом, рифмой, повторами и фантазией; когда верх одерживает язык, а не яркие цвета, вера в природный юмор и вкус ребенка укрепляется, «Толстый кот», старая датская сказка, пересказанная и иллюстрированная талантливо и оригинально Джеком Кентом (Jack Kent), на первый взгляд могла бы испугать маленького ребенка — это сага жертв обжорства героя: это не только «каша, и горшок, и старушка», но и впечатляющий список невинных бедняжек до самого конца книги, когда возмутительный зверь становится таким толстым (он занимает почти целую страницу), что что-то должно произойти… Изображение «священника с гнутой палкой и дамы с розовым зонтиком, и семи танцующих девочек…», бегущих домой целыми и невредимыми, превосходит только рисунок на последней странице — сам бедный маленький кот, живот которого залеплен пластырем. Добрый дровосек, ясно сознававший свой долг, позаботился о нем. Эта грубая история была представлена Кушле как шутка и воспринята ею как шутка. В довершение всего две жертвы кота именовались Скоготтентот и Сколинкеплот, и там была чудесная, постоянно повторявшаяся строчка, которую Кушла добавила к растущему списку «угроз», почерпнутых ей из книг: «А теперь я собираюсь съесть и ТЕБЯ!»

«Рыбка без воды», одна из первых Collins Beginner Books Хелен Палмер (Helen Palmer), это история последствий того, что перекормили золотую рыбку Отто. За время его неожиданного бурного роста дом почти разрушился, вызвали пожарных и полицию, но все бесполезно… катастрофа следует за катастрофой. Тем не менее, все кончается хорошо (необходимое условие для дошкольников), но в то же время в книге присутствует фарс. Слушая эти истории, Кушла заходилась смехом, дрыгая ногами в воздухе.

Совершенно другой была ее реакция на книгу Барбары Макфарлейн (Barbara Macfarlane) «Непослушная Агапанта»

(Naughty Agapanthus), героиня которой встала в один ряд с Сарой и Эммой в их различно проявляемых протестах против мира, требующего порядка и повиновения. Агапанта, уютно живя в добропорядочной семье (даже ее малыш-братец «почти всегда ведет себя очень хорошо»), иногда бывает ОЧЕНЬ НЕПОСЛУШНОЙ! Она выбегает из дома, несмотря на строгий запрет, в легкой футболке, купается в рыбном садке, ужасно простужается и, когда приходит доктор, кричит в ответ на его вежливую просьбу открыть рот: «Не хочу! Не хочу!», а когда он настаивает, кусает его за палец. «Да, она прокусила доктору палец почти до кости!»

Восторг Кушлы вызывала именно эта история с пальцем — ужасная и невероятная: ведь никто не кусает докторов! В некотором роде, это назидательная история; Агананта отказывается принимать прописанную «фиолетовую таблетку… но мама засовывает ей таблетку в рот». Она решает стать хорошей. «И конечно, когда пришел доктор, она прекрасно открыла рот. „Превосходные миндалины, — сказал доктор. — Завтра можешь выйти погулять, если наденешь теплый красный джемпер“.»

Текст немногословен. Язык точен и очень мелодичен. Иллюстрации Маргарет Лиз (Margaret Lees) поистине виртуозны, они похожи на вырезки из бумаги невероятных оттенков розового, фиолетового, оранжевого и бирюзового и каким-то образом придают жизненность Агапанте и ее истории. Это неисчерпаемая книга.

Традиционные сказки (сначала «Три медведя», «Три сердитых козла» и «Маленькая красная курочка» появились теперь в новой книге «Книга сказок Джека Кента» (The Jack Kent Book of Nursery Tales). Этот прекрасный том содержит семь самых простых историй, в том числе «Пряничный человечек» (The Gingerbread Man), «Красная жокейская шапочка» (Little Red Riding Hood) «Три поросенка» и «Цыпленок» (Chicken-Licken). Это очень простые пересказы с тремя-четырьмя яркими, детальными иллюстрациями на каждой странице большого формата. Два рассказа из этого сборника, «Маленькая красная курочка» и «Три медведя», дали дополнительный опыт — встречи с уже знакомыми историями в новом варианте (опыт, уже знакомый Кушле, — к этому времени у нее было три версии «Кота и Совы»).

Оглавление книги оказалось приятным сюрпризом: название каждой сказки и номер страницы были частью сказочного домика. Кушла внимательно рассматривала этот неожиданный подарок, как рассматривала форзацы и титулы многих своих книг.

«Эльфы и башмачник» (The Elves and the Shoemaker), пересказ

сказки братьев Гримм, изысканно иллюстрированный Кэтрин Брандт (Katrin Brandt), оказался на вершине успеха. Трудно поверить, что разворот, на котором нарисованы тридцать пар разного размера ботинок со шнурками (и еще один непарный) в различных тонах желтовато- и красно-коричневого, может вызвать такой восторг. У иллюстраций нет фона; люди и предметы расположены произвольно: ножницы, катушка с нитками, одежда, которую башмачник с женой сшили для эльфов — все размещено так, чтобы ребенок мог узнать и определить. А затем сам «маленький народец», выделывающий разнообразные прыжки (несомненно, одна из самых очаровательных иллюстраций, какие когда-либо были нарисованы), каждый из эльфов в одежде, которая раньше была изображена, — это важное условие для наблюдательного почти четырехлетнего ребенка.

Очень удачная книга «Сьюзен не может уснуть» Кей Бекман (Susan Cannot Sleep, Kaj Beckman) служит примером этого настойчивого требования. На трех идущих одна за другой иллюстрациях на подушке Сьюзен вышито ее имя, но на следующей оно отсутствует. «Куда же делось имя Сьюзен?» — спрашивала Кушла. Пока ее отец растерянно соображал, она сама нашла удачное объяснение: «Я знаю. Она перевернула подушку!»

Нетрудно построить теорию относительно того, что неиссякаемая привязанность Кушлы к книгам, воплощающая тему дома-и-безопасности, отражает ряд ее стрессов по поводу собственной уверенности, вызванных почти постоянно плохим здоровьем вообще и ее недавней операцией в частности. В действительности для такого предположения нет достаточных оснований, к тому же невозможно выделить какой-либо отрицательный эффект операции. Первые два дня, когда она испытывала боль, ей хотелось только лежать рядом с кем-нибудь из родителей. Затем она стала садиться, читать свои книги, говорить, играть в свои игрушки и в целом участвовать в идущей рядом с ней жизни.

Выписавшись из больницы, Кушла включилась в жизнь дома без паузы. Сравнение с жизнью Кэрол Уайт в этом возрасте обнаруживает большое сходство, во всяком случае в занятиях девочек. Обеими девочками, казалось, овладела страсть к домашнему хозяйству. Дороти Уайт сообщает об уборке, от которой «домохозяйка „понарошку“ уставала не меньше настоящей», а мать Кушлы записывает о дочери: «У нее страсть чистить и убирать. Она говорит удовлетворенно: „Теперь все аккуратно и чисто“». Обе девочки дают указания и наставляют своих родителей; в обоих случаях видны их текущие занятия:

Кэрол: Сходи принеси булочек, не заходи в сад мистера

Макгрегора и не попади под машину.

Кушла: Ну пожалуйста, не уходи и занимайся домом. Я схожу в магазин, куплю свежего хлеба, печеных бобов и пирожных в бабушкином магазине.

Обе девочки в этом возрасте впервые прочли «Миллион кошек» Ванды Гэг (Millions of Cats, Wanda Gag), и обе, как и тысячи детей до них (книга впервые была опубликована в 1929), подпали под ее обаяние, смакуя и повторяя строчки «сотни кошек, тысячи кошек, миллионы и миллиарды, и триллионы кошек», заучивая их на память. Кушла сделала «сотни крапинок, тысячи крапинок…» на своих рисунках за несколько дней, а Кэрол по случаю какого-то праздника видела «сотни коров… миллионы коров».

Обе, и Кушла, и Кэрол, продолжали самозабвенно обожать «Питера-кролика», Кэрол просила читать эту книгу каждый день и задавала бесчисленные вопросы о подробностях историй Беатрикс Поттер, а Кушла привлекла внимание матери к линии электропередачи над головой: «Это похоже на ветки крыжовника». Заметив удивление матери, она засмеялась и поясынила: «Питер-кролик запутался в ветках крыжовника медными пуговицами куртки. Это была голубая куртка, совсем новая».

Дороти Уайт пишет, что к этому возрасту Кэрол по-настоящему полюбила несколько книг, с которыми была знакома раньше, но которые стали ей понятнее в свете ее теперешнего опыта.

Об одной из книг она говорит: «…С тех пор, как Кэрол смотрела ее в последний раз, к ней приходил доктор, она видела, как ее маленькую сестричку кормят из бутылочки, и наблюдала генеральную уборку перед нашим переездом». Примерно так же «Маленькая мама» (Little Mummy), «Помогаем дома» (Helping at Home) и еще одна книга, описывающая типичный день жизни двух дошкольников, «Дома» (At Home) Л. Э. Айвори (L. A. Ivory), стали еще интереснее для Кушлы теперь, когда она была в состоянии «помочь» застелить постели, дать кошке молока и работать в саду. Даже новый экземпляр «Дня Дэви», купленный для Санчи, так как старая книжка Кушлы была зачитана до дыр, был захвачен Кушлой. Хотя Кушла всегда любила эту книгу, раньше она не могла заниматься тем же, чем и Дэви.

Дороти Уайт отражает беспокойство тех, кто читает маленьким детям и размышляет о сравнительных достоинствах различных книг, когда она интересуется «…как можно оценивать сравнительную ценность „Семейства Литл“ [Лоис Ленски] и „Питера-кролика“». Она подозревает, «…что ребенок нуждается в

обеих книгах, поскольку одна книга „просто“ утверждает, как „Семейство Литтл“, а другая, как „Питер-кролик“, выходит за рамки известного в данный момент». И двадцать семь лет спустя к этому утверждению нечего добавить.

«Маленький деревянный фермер» (Little Wooden Farmer) Элис Далглиш (Alice Dalgliesh) с изящными иллюстрациями Аниты Лобел (Anita Lobel) появилась у Кушлы в этот период. Эта замечательная книга, опубликованная в 1930 году, не получила заслуженного признания. Маленький деревянный фермер и его жена владеют чудесной фермой. Но у них нет животных. Они заводят дружбу с капитаном парохода, который каждый день появляется в их доме, и капитан обещает найти для них «… коричневую корову, которая дает густое прекрасное молоко, двух белых овечек в теплых шерстяных шубках, толстого розового поросенка с хвостом колечком, петуха, который будет петь по утрам, курочку, которая каждый день станет нести большое коричневое яйцо, собаку, чтобы стерегла дом, и кошку, которая будет сидеть на ступеньках или мурлыкать у огня».

Для этой превосходной маленькой книжки характерно бесконечное внимание к рисунку. Текст точно и прекрасно уложен в декоративную рамку; все животные, люди и изобилие других маленьких объектов снова возникают в орнаментальной кайме, которую ребенок может рассматривать часами. Ни одну книгу Кушла так не любила. Она обращена именно к трехлеткам, это образцовая книга.

У Кушлы была «Библиотечка в ракушке» еще до того, как ее клали в больницу. Ей никогда не надоедало складывать и вынимать четыре маленькие книжечки из их футляра, ей нравились все тексты Сендака (Sendak) особенно «Пьер», назидательная история, у героя которой общие черты с Эммой, Сарой и Агапантой. С самой известной книгой Сендака «Где дикие твари» (Where the Wild Things Are) Кушла познакомилась в это же время. Это история обычно вызывает опасения у взрослого, которому предлагают прочитать ее ребенку. Не испугается ли маленький ребенок, что чудовища «ревут ужасным голосом и щелкают ужасными зубами и вращают ужасными глазами и показывают ужасные когти»? Опыт показывает, что если взрослый читает книгу уверенно, дети не пугаются, они, наоборот, очарованы. Тайна, очевидно, в том, что Макс, который «плыл днем и ночью, целые недели и даже почти год туда, где дикие твари», всегда владеет ситуацией. Он покоряет их, глядя волшебным «взглядом во все их желтые глаза…», а когда ему в конце концов «становится грустно и хочется оказаться там, где его любят больше всех», он покидает их, несмотря на их мольбы

(«Мы съедим тебя, мы так тебя любим!»), и возвращается домой к своему ужину, который «еще не остыл».

Текст Сендака — чистая поэзия, от него невозможно оторваться. Эта история предлагает ребенку литературный опыт, одновременно питающий его фантазию и дающий ему визуальное наслаждение. Чудовища не похожи ни на что встречающееся в литературе; описание «дикого шума» потрясает ребенка и доставляет ему такое же удовольствие. Кушла была совершенно очарована книгой.

«Слон и плохой малыш» (The Elephant and the Bad Baby) — это неистовая история, начинающаяся с традиционной простотой: «Жил-был Слон. Однажды Слон пошел погулять и встретил плохого малыша…» Украшенная энергичными рисунками Реймонда Бриггса (Rymond Briggs) история становится все интереснее, и запоминающаяся, повторяющаяся строчка «а по дороге они безобразничали и хохотали» остается в памяти счастливого слушателя.

Множество других книг — «Бревенчатая дорога» (Corduroy), «Корова, которая упала в канал» (The Cow Who Fell in the Canal), «Скажите тетушке Роде» (Go Tell Aunt Rhody), «Ветер дул» (The Wind Blew), «Страшный тигр» (The Terrible Tiger), «Фермер Барнс и Колокольчик» (Farmer Barnes and Bluebell) и другие — тоже сыграли свою роль и остались в обиходе.

Отец Кушлы теперь берет ее и ее маленькую сестричку еженедельно в библиотеку «Те Атату», и Кушла учится брать книги из библиотеки и обращаться с ними. Как и ожидалось, случались приступы упрямства; единственная книга, которую пришлось купить Кушле, прежде чем она согласилась вернуть библиотечную, это «В кухне ночью» Сендака (In the Night Kitchen) — хотя были и опасения относительно ее любви к книге Роузов «Как Святой Франциск приручил волка» (Rose E.G. How Saint Francis Tamed the Wolf)!

Только что описанный период свидетельствует об удивительно возросшем владении Кушлы языком. В марте, в возрасте трех лет и трех месяцев, она еще употребляла косвенный падеж местоимения «я», говоря о себе как о субъекте предложения и пользовалась простыми фразами (если не считать прямого цитирования какой-либо книги). Теперь же, спустя неполных шесть месяцев, она употребляла правильную форму местоимения «я», сложные предложения, пересказывая чью-либо речь, использовала прошедшее и будущее время и сослагательное наклонение («Клайв мог бы сфотографировать Санчу»).

Удивительно, пребывание в больнице совпало с улучшением ее речи и общего понимания. Сравните ее комментарий перед

больницей (стр. 71) с этой записью ее матери, датированной 31 мая: «Когда я была в больнице в последнее утро, доктор сказал, что переехал в новую больницу. Ой, что я говорю, мам? Я сказала, что переехала в новый дом на побережье (смеется)».

В цитированной фразе Кушла рассказывает об обмене репликами между ней и доктором, в ходе которой она, конечно, упомянула «новый дом на побережье» (это, очевидно, относится к Карекаре).

Несколько месяцев спустя, принеся отцу книгу, она сообщила: «Вайви дала мне ее однажды, когда приходила, и сказала: „Вот, Кушла, эта книга была у меня, когда я была маленькой девочкой, а теперь, думаю, мне надо отдать ее тебе“, — сказала она». Речь трехлетнего ребенка очень разнообразна, она зависит от врожденных особенностей и от окружения; но нет сомнений, что речь Кушлы давала ей возможность представить мир, выразить свои мысли, рассказать о случившемся и поразмышлять о возможностях, короче говоря, общаться.

Возможно, самая оптимистичная из записей ее матери датирована 22 августа, как раз перед окончанием этого исследования:

«Мы провели день в городе. Утром плавание, затем в гости к Труди, затем к Лайзе и Стивену (ее маленькие друзья), затем к бабушке. Только одна книга за весь день. Мне почти никогда не приходится читать Кушле, когда мы проводим день в городе. Она бывает так рада увидеться со своими друзьями, что никогда не приходит ко мне и не просит почитать. Она слишком занята буйными играми».

Кушла прошла тесты по шкале Стэнфорд-Бине (формы L-M) 1 августа 1975 года в возрасте трех лет восьми месяцев. Заключение психолога приводится здесь полностью.

УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ

По оценке шкалы Стэнфорд-Бине (формы L-M), Кушла показала IQ выше среднего, 104–114. Она очень охотно сотрудничала, хотя и была усталой. И в отдельных случаях ей помогала мать. Она прошла все тесты, за исключением противоположных аналогий на уровне четырехлетнего ребенка, и четыре теста на уровне ребенка четырех с половиной лет — тесты, не связанные со зрительными образами, и тесты, имеющие отношение к мелкой моторике, остаются для нее сложными.

НАВЫКИ

Кушла «прочитала» две книжки-картинки в конце собеседования аккуратно и с увлечением, это были только две из многих знакомых ей книг. Все навыки, предшествующие чтению, хорошо усвоены. Время от времени отмечаются трудности с фокусированием взгляда.

ЛИЧНАЯ ПРИСПОСОБЛЕННОСТЬ И ПОВЕДЕНИЕ

Кушла веселая, уравновешенная девочка как дома со взрослыми, так и с ровесниками.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Кушла удивительно развилась за период, прошедший с последнего тестирования, но в особенности за последние двенадцать месяцев. Возможно, переезд в «сельскую» местность укрепил ее сои и здоровье в целом. Благодаря заботе родителей, ее пребывание в больнице не создало «разрыва» в развитии, не стало причиной разобщенности.

Было бы полезно проверить зрение, если это еще не запланировано, и организовать настолько большее взаимодействие с другими детьми, насколько это возможно, принимая во внимание здоровье девочки и местонахождение дома.

Рекомендуется провести тестирование Кушлы перед ее пятым днем рождения.

Едва ли необходимо добавлять что-либо к этим результатам. Они на самом деле верно описывают Кушлу.

Весьма правдоподобно, что развитие Кушлы продолжится. Тот факт, что тесты, «не связанные со зрительными образами, и тесты, имеющие отношение к мелкой моторике, остаются для нее сложными», указывает на то, что по мере того, как Кушла сама постепенно обучается справляться со своими дефектами, наступает улучшение.

Как уже отмечалось, Кушла была усталой ко времени тестирования; уехав из дому рано утром, она побывала на занятиях по плаванию и в гостях у подружки, прежде чем тестирование началось во второй половине дня. Тем не менее она была весела, непринужденна и показывала желание сотрудничать,

это отражает ее сложившееся отношение к людям и ситуациям. Она обычно внимательна и общительна.

Возможно, для полноты картины следует привести краткое описание внешнего вида Кушлы. Она высокая, тоненькая, круглолицая, с привлекательными голубыми глазами. У нее золотисто-каштановые волосы и кожа оливкового цвета. Она все еще страдает кожными сыпями; ее лицо сразу же покрывается прыщами даже при легком заболевании. У нее все еще сохранилась привычка маленького ребенка иногда пускать слюни, хотя в последнее время она исчезает. Характерная поза Кушлы — ноги немного расставлены и напряжены, руки отведены назад и разведены в стороны, голова слегка наклонена вперед, чтобы лучше сфокусировать взгляд. Когда Кушла сосредоточивалась или пыталась оценить возникшую ситуацию, у нее часто появлялось напряженное выражение лица. Ему нередко сопутствовали движения головы, вся поза сильно отличала ее от других детей. Однако опыт показал, что такая «необычность» обусловлена усилиями девочки компенсировать дефекты, вызвана ее решительным намерением извлечь смысл из сцены или ситуации. Можно ожидать, что время и, если необходимо, тренировка уменьшат, а может быть, и сведут на нет эти особенности.

Когда Кушла фокусирует взгляд правильно, когда она улыбается или смеется, то ничем не отличается от нормального почти четырехлетнего ребенка, поглощенного радостью жизни и собственным в ней участием.

Другим детям обычно нравится открытое и дружеское обращение Кушлы. Неудивительно, что ее дом, полный книг, животных и игрушек, полюбили другие дети. Многие из маленьких друзей Кушлы любят ее родителей, они все чаще остаются со своими семьями ночевать в Карекаре. Можно предположить, что бесконечное терпение и любовь, присущие заботе родителей о Кушле, развили в них черты, которые другие дети инстинктивно распознают.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
Развитие Кушлы в свете современной теории развития

Если задуматься над развитием Кушлы с момента рождения, возникает несколько важных вопросов, хотя, возможно, ответов на них не существует.

Кушле потребовалось семнадцать месяцев, чтобы достичь координации мелкой моторики на уровне полугодовалого ребенка (см. результаты Денверского теста и тестов Гезелла, гл. 3). В течение первого года жизни она не могла поднять какой-либо предмет или удержать его более нескольких секунд, если его вкладывали ей в руку. Эта неспособность препятствовала ей ощущать предметы с помощью рта, что свойственно здоровым младенцам. Она не могла ни сидеть, ни ползать и таким образом изучать свое окружение.

Кроме того, сложности Кушлы с фокусированием взгляда (которые, по результатам последних исследований, объясняются не нарушением зрения, а трудностью координации глаза и мозга) препятствовали ей узнавать прямым путем окружение. Компенсаторная помощь, которая состояла в том, что девочку подносили очень близко к человеку или предмету и тем самым давали ей возможность сфокусировать взгляд, несомненно, давала более низкий результат, чем естественное зрение.

Такие дефекты в значительной мере сказались бы и на здоровом ребенке, а Кушла не была здоровым ребенком. Десять недель из первых пятидесяти двух она провела в больнице, и до десятимесячного возраста ее через неопределенные промежутки времени (часто до нескольких раз в минуту) мучили конвульсивные подергивания. Дыхание девочки было поверхностным и хриплым, и она находилась под постоянным воздействием антибиотиков из-за постоянных ушных и горловых инфекций.

Другая область вопросов: до какого предела Кушла при рождении могла быть определена как «в остальном здоровая». Ясно, что доктора и другие, кто работал с ней профессионально, предполагали, что у нее есть умственные дефекты. Обычные родители могли бы отказаться признать такой диагноз с последующим сокращением мер, которыми они были готовы компенсировать дефекты младенца.

Кушле посчастливилось, что ее родители, приняв ее почти

несомненный умственный дефект, тем не менее взялись за поддерживающую стимуляцию и никогда не отклонялись от нее. Очевидно, что их настойчивость и решительность были вознаграждены тем, что Кушла превратилась в умного и счастливого ребенка.

Третья область вопросов: насколько компенсаторная программа — если ее можно так классифицировать — уменьшила следствия дефектов Кушлы, и насколько занятия с иллюстрированными книжками помогли ее когнитивному развитию. На эти вопросы нет однозначного ответа, хотя можно надеяться, что предшествующий отчет проливает некоторый свет и дает определенный ключ. К тому же было бы полезно попытаться рассмотреть развитие Кушлы в контексте современной теории ранних стадий развития человека. Такая попытка предпринята ниже.

Согласно Пиаже, ребенок от рождения вырабатывает все более и более адекватное знание реальности, воздействуя на внешний мир. Инхелдер (Inhelder) (1962) говорит, применяя теорию Пиаже для описания этого процесса:

«Ясно, что последовательные формы его (ребенка) активности в ходе его развития определяют его способы познания».

Что составляло «последовательные формы» активности Кушлы?

Пиаже утверждает, что на сенсорно-двигательной ступени, которую определяет от рождения до двух лет, нет различия между ощущением (постижением) вещи и воздействием на нее; на этой ступени мысль — это буквально действие. Джоанна Тернер (Johanna Turner) (1975) из этого делает вывод:

«Младенец, таким образом, развивается, вначале взаимодействуя с непосредственно ощущаемым окружением и затем начиная усваивать эти действия так, что может, например, думать о предстоящей еде, когда никакой еды нет».

Пиаже (1974) подробно рассматривает следующие стадии, которые ребенок проходит на первом году жизни. В каждом случае делается попытка оценить степень участия Кушлы в определенной стадии, принимая во внимание ее дефекты.

На первой стадии (от рождения до одного месяца) сложные рефлексы, вроде сосания, кладут начало тренировке, которая «возвещает формирование поведенческих схем». Можно допустить, что на этом уровне Кушла была способна участвовать.

На второй стадии (от одного до четырех с половиной

месяцев) подобные схемы позволяют новые достижения, например сосание большого пальца следует за случайным открытием. Кушла была, разумеется, лишена большинства форм «физического» открытия из-за невладения руками. Однако большую часть времени на этой стадии она проводила на руках взрослых или они помогали ей «играть». В то же время ей постоянно помогали «ощущать» предметы ртом, но она не могла выучиться подносить их ко рту собственными руками. Как описано в главе первой, она могла протягивать руки к игрушке, повешенной на стенку кроватки, если ее укладывали в кроватку так, что ее руки были спереди. Нельзя понять, насколько эффективной была компенсация или, на самом деле, насколько здесь возможна компенсация как таковая; «действие», которое предпринимает ребенок в ответ на непосредственно ощущаемое окружение, соответственно, принимается как «схема», употребляя термин Пиаже, если развитие имеет место.

Третья стадия, согласно Пиаже, начинается в четыре с половиной месяца и длится до восьми-девяти месяцев. В этот период происходит координация зрения и «хватания»; то есть ребенок начинает намеренно хватать предмет, который видит. Однако у него нет представления о «неизменности»: он не знает, как заглянуть под покрывало, чтобы найти игрушку. Этот период для Кушлы совпал с заточением на больничной кровати. Большую часть этого времени она была слишком больна, чтобы применять компенсаторные меры и, скорее всего, не могла даже минимально продвинуться в своем развитии. Разумеется, ее состояние после выписки свидетельствовало о том, что она регрессировала.

Во время четвертой стадии развития, по Пиаже (примерно последняя четверть первого года жизни), нормальный ребенок

«…больше не ограничивается воспроизведением случайно открытых результатов (повторяющиеся реакции), но использует схемы, открытые таким образом, путем координирования, одну из этих схем, полагая целью акции и используя другие как способы достижения цели. Или, видя новый объект, ребенок применяет к нему по очереди (для исследования) каждую из известных схем с целью определить практическое назначение или пользу этого объекта, он хватает объект, чтобы разглядеть, пососать и т. д.; он трясет его, трет им по бортику кроватки, ударяет по нему рукой и т. д., короче говоря, эта стадия характеризуется и возросшей изменчивостью схем действия, и появлением… внешней координации между практическими действиями».

В этом возрасте Кушла не могла выполнить никаких физических действий, характерных для нормального ребенка.

В возрасте тридцати пяти недель ее характеризовали как «не

обладающую способностью хватать»; ее адаптивную оценку по шкале развития Гезелла составляло замечание «нет развития» (см. гл. 2, стр. 15)

Означает ли это в действительности, что Кушла, не обладавшая способностью на более ранних стадиях обнаруживать случайно открытые последовательности (повторяющиеся реакции) и потому намеренно воспроизводить их, не была в состоянии усвоить соответствующие «схемы» и поэтому не следовало ждать, что она будет развиваться в когнитивном отношении? Разумеется, она не могла вести себя по отношению к объекту так, как полагает Пиаже о ребенке, который применяет «каждую из известных схем с целью определить практическое назначение или пользу данного объекта». Здесь нужно доказательство того, что Кушла уже построила комплекс «известных схем», хотя ее физические недостатки не давали ей применять их на практике, и спустя двенадцать месяцев такое свидетельство оказалось зримым.

Начать с того, что в двенадцать месяцев ее артикуляция стала нормальной; в тридцать пять недель, по тестам Гезелла, уровень артикуляции характеризуется как тридцатидвухнедельный, только на три недели отстающий от ее действительного возраста, несмотря на то, что тестированию непосредственно предшествовал долгий период, проведенный в больнице. К двенадцати месяцам она идентифицировала изображения нескольких предметов в своих книгах и разборчиво произносила несколько слов. Пиаже говорит: «…речь связана с мышлением и таким образом предполагает систему усвоенных действий…» Таким образом, неизбежен вывод относительно того, что у Кушлы была развита «система усвоенных действий».

Кроме того, Пиаже ясно дает понять, что в индивидуальном росте существуют весьма различающиеся ритмы; в то время как этапы проходят последовательно, «существуют вариации в скорости и длительности развития». Фактом первостепенной важности оказывается то, что развитие ребенка — непрерывный процесс, а не то, что он в определенном возрасте точно соответствует определенной стадии развития.

Здесь мы, разумеется, касаемся только очень ранних стадий развития. В процессе изучения дальнейших стадий Пиаже сообщает о тестировании школьников на Мартинике, которое выявило «чстырехлетпес отставание в формировании представления о сохранении признаков объекта, дедукции и упорядочивания», причину чему он видит в «умственной малоподвижности взрослого окружения». Ученый находит, что сравнительное изучение, проводимое в различных странах,

обнаруживает «удивительные отставания». Не принимая в расчет (как делает Пиаже) воздействие биологических факторов созревания, мы остаемся с утверждением, что социальные факторы — результаты окружающей среды отдельного ребенка — оказывают некоторое влияние на скорость, с которой он пройдет все основные стадии, начиная с рождения.

Принимая во внимание, что окружение Кушлы обеспечивало ей взаимодействие с «живым умом» (цитируя термин, который Пиаже употребляет, описывая то, чего не хватает детям Мартиники), разве нельзя предположить, что когнитивное развитие девочки в первый год ее жизни происходило если не на среднем, нормальном уровне, то во всяком случае стабильно?

Брунер (Bruner) (1966) поддерживает точку зрения, что частное окружение оказывает стимулирующее или ослабляющее влияние на развитие ребенка. «Ребенок не находит внутреннего импульса роста без соответствующего внешнего импульса», говорит он, а далее, дав определение стадий, какими он их видит (постановляющая, традиционная и символическая), предполагает, что хотя обучение должно быть связано со способом представления, употребляемого ребенком, рост должен поощряться применением других способов, когда только это возможно. В действительности Брунер утверждает, что опыту, приобретенному в обращении в окружающей среде, в постижении и воображении и в символическом представлении, можно в какой-то форме научить ребенка в любом возрасте.

Возможно, физическая невозможность для Кушлы принимать участие в стадии, когда, согласно и Пиаже, и Брунеру, мысль и действие неразделимы, вынудили родителей ввергнуть ее в следующую стадию или, по меньшей мере, столкнуть ее с ней в необычно раннем возрасте.

Физические недостатки Кушлы могли оказаться в данном случае облегчающим фактором. Брунер описывает перцепционное внимание таких маленьких детей как «в высшей степени неустойчивое» и считает, что это может частично объяснить «малое число работ по этому вопросу». Перцепционное внимание Кушлы было каким угодно, но только не «неустойчивым»; в девять месяцев она могла, сфокусировав взгляд на картинке в какой-либо из своих книг, смотреть на нее непрерывно и сосредоточенно в течение нескольких минут, и ровно в одиннадцать месяцев она стала замечать, что известная ей картинка перевернута, что она пыталась компенсировать (см. гл. 3, стр. 27–28, 35–37).

Брунер, описывая перцепционные особенности «иконической» стадии, которая, по его мнению, начинается в начале второго

года жизни, указывает, что маленький ребенок легко становится «жертвой визуального обмана», и ссылается на работу Уиткипа (Witkin) и его коллег (1962) в поддержку этой точки зрения. «К тому же, — пишет Брунер, — маленький ребенок (например, трехлетний) плохо умеет составлять картинку из частей или завершить ее по отдельным деталям», что приводит к выводу, что отдельные предметы и их группы на картинке должны допускать единственное, совершенно однозначное толкование — ребенка легко сбивают с толку пересекающиеся линии, общие границы и малозаметные персонажи.

Это, очевидно, обозначает, что забота о том, чтобы иллюстрации были с четким, непрерывным контуром (см. гл. 2 и 3), оправданна; это же может частично объяснить привлекательность для Кушлы черных символов на чистой странице.

Выготский (1962) полагает, что мышление и язык начинаются как отдельные и независимые виды деятельности; он приводит в пример попытки маленького ребенка тянуться к предметам как свидетельство мышления без языка. Развитие познания и языка, полагает он, идет параллельно, но с взаимодействием, пока, примерно в двухлетнем возрасте, эти линии не пересекутся и «мысль станет вербальной, а речь разумной». Возможно, Кушла совершенно четко вписывается в эту схему, но факт, что никакое реальное суждение о ее недостатках невозможно, значит, что можно заниматься только домыслами относительно ее способа компенсации на уровне «действия», если он существует.

Пиаже говорит:

«В течение первого года жизни формируются все позднейшие элементы мышления: понятие о предмете, о пространстве, о времени в виде временной последовательности событий, о причинной связи — то есть все важнейшие понятия, которые затем будут использоваться при мышлении и которые возникают и развиваются одновременно с развитием чувственно-двигательной сферы».

Он добавляет, что восемнадцати месяцев жизни «совершенно недостаточно» для формирования элементов, которые должны быть заложены, прежде чем развитие ребенка достигнет предоперационального уровня, и высказывает предположение, что развитие ребенка на первом году жизни «особенно ускорено».

Здесь есть причина поверить, что когнитивное развитие Кушлы, обнаружившееся после ее первых восемнадцати месяцев, не так уж отставало от развития среднего ребенка, что со временем стали утверждать, в частности, медицинские авторитеты; некоординированность движений ее рук и взгляда в

этот период сказывалась на ее внешнем виде, который давал неверное представление о ее когнитивных достижениях.

В дальнейшем речь Кушлы развивалась нормально и отличалась от речи среднего ребенка только высоким процентом содержавшихся в ней отсылок к «прочитанному» ею.

Выготский и Пиаже описывают феномен «эгоцентрической речи», в которой ребенок говорит вслух о своих внутренних планах и действиях, не делая различия между речью для себя самого и социальной речью для остальных. Вот как говорит Кушла в три с половиной года сама себе в то время как рисует:

«Это похоже на обезьянку с очень тонким хвостом, это на рыбку в пруду, это на рыбку в море… Посмотри, вот это как будто лодка плывет туда и обратно. Я нарисовала маленькую-маленькую лодочку, я нарисовала большую лодку. Смотри, я нарисовала имя Топси и Тима. Я нарисовала мышку, которая играет с Агапантой… это кусочек пальца… Это маленькая кроватка, чтобы спать, а здесь подушка…»

Любой трех-четырехлетний ребенок может думать вслух; необычна только область запоминания Кушлы. По объему она была поразительной (и незапланированной). Родители не представляли себе, какова будет реакция Кушлы на их «программу чтения». Можно ли сделать какие-либо выводы относительно вероятного влияния такого чтения наизусть на формирование речи Кушлы?

Часто фраза или изречение, «перенятые» Кушлой, когда она начинала говорить, например (3–5 лет): «кошка, которая будет сидеть на ступеньках или мурлыкать у огня» (из «Маленького деревянного фермера»), казалось, выскальзывали у нее невольно. В последнее время она дает понять, что сама осознает это, например (3–8 лет): «Теперь я собираюсь идти по магазинам. Ой, мам, я забыла чековую книжку! Забыла, что кошки не летают, но прежде всего забыла, что кошки плюхаются!» («Мог, забывчивая кошка»). Смеется: «Я глупая, да?» По ее манере в этом случае было видно, что она говорит о своей интерполяции, а не о своей забывчивости.

Словарь Кушлы, несомненно, отражает ее знакомство с книгами. Слова и фразы возрастающей сложности и выразительности употребляются правильно: «не делаю ничего особенного», «изумительный вид», «ужасно испуганный», «трудный», «молчаливый», «необыкновенный», «нелепый». Во время написания этой книги, слушая «Пропустите утят» (Make Way for Duckling) Роберта Макклоски (Robert McCloskey), она почерпнула фразы «большая ответственность» и «лопаться от гордости», которые употреблены для описания отношения

родителей-уток к только что вылупившимся утятам. Выражение Кушлы, нескрываемое удовольствие, не оставляло сомнений, что эти фразы, неизвестные несколько недель назад, обрели значение и стали доступными вскоре в других контекстах.

Как было сказано выше, (гл. 5, стр. 67), Кэрролл в 1939 году предположил, что заучивание наизусть представляет собой важный фактор в развитии речи и заслуживает изучения. Трудно не прийти к выводу, что если ребенок продемонстрировал способность «брать» из прочитанного вслух и заучивать слова фразы, которые затем верно употребляет в других контекстах, он таким образом пополняет свой словарный запас и, следовательно, свой познавательный багаж. Действительно, кажется, что Кушла делала и продолжает это делать: по крайней мере, в ее случае заучивание наизусть материала было вкладом в развитие ее речи.

Джоан Таф (Joan Tough), автор книги «Сосредоточьтесь на значении» (Focus on Meaning) (1973), с подзаголовком «Разговаривать с маленькими детьми полезно», предназначенной «для помощи учителям, родителям и всем, кого волнует, чтобы дети, вырастая, овладевали языком во время игры в раннем детстве», определяет домашнее окружение, дающее оптимальную возможность развития речи, которая одновременно выражает и стимулирует детское мышление. Она описывает окружение трехлетнего мальчика, в частности его отношение к взрослым в семье. Взрослый, по мнению Марка, это тот, кто «предлагает информацию, кто приглашает подумать и поспорить… Он знает, что задавать вопросы — значит получать информацию, что пытаться разрешить проблемы — значит получить одобрение и что язык возвращает жизнь прошлому опыту». Ребенок обдумывает это отношение, и пример родителей, которые сами употребляют сложные речевые формы при обсуждении, ожидании, планировании и полагании, отражается в его речи; он овладевает «инструментами мышления».

Джеймс Бриттон (James Britton) (1971) говорит, что «привычка вербализовать создается и развивается прежде всего в разговорах со взрослым», и Лурия, и Юдович (1959) в своей работе с однояйцевыми близнецами Лешей и Юрой, несомненно, показывают, что «отставание в речи и регрессивное поведение», в определенных случаях взаимосвязанные, в данном случае соответствуют программе вмешательства, которую составляют в большой мере «разговоры со взрослым».

Это у Кушлы было с самых первых дней. Даже когда казалось, что она ничего не может понимать, с ней разговаривали постоянно. Прилагались все усилия, чтобы ответить на ее вопросы и заставить ее думать. Следующая запись сделана, когда

Кушле было ровно три с половиной года.

«— Мама, ты не видела лошадь?

— Нет. А где она была?

— Гм, она была… была… гм, я не могу сейчас как следует подумать.

— Она была на твоей кровати? (Имеется в виду игрушечная лошадка — М. предполагает, что игрушка, скорее всего, во дворе за дверью рядом, но хочет, чтобы Кушла сама сказала это.)

— Нет.

— Она не могла быть на верху холма, где вы играли? (Картинка.)

— Нет! Я тебе сказала, я не могу сейчас думать. Любой человек иногда не может думать. Ты говорила: „Я не могу сейчас думать“, мам. Я слышала вчера утром.

— Да, я знаю, часто я не могу вспомнить, где что-то лежит.

— (Кричит.) Нет! Не вспомнить! Именно не могу думать!»

Очень маловероятно, что Кушла понимает различие между «не могу как следует подумать» и «не могу вспомнить»; опыт показывает, что она подхватывает новое выражение и употребляет его, когда только возможно, и в течение нескольких дней после этого «не может как следует подумать» во многих случаях. Но вывод, что она играла понятиями, неизбежен. («Вчера утром» продолжает употребляться, возможно, это выражение идет от «вчера вечером».) Это выражение и многие другие показывают, как к Кушле прислушивались, поощряли ее выразить свое намерение с помощью вспомогательных подробностей, и прежде всего как для Кушлы становится возможным употреблять слова «не вместе с предметами, а вместо них», если использовать выражение Бриттона.

Нельзя ничего сказать относительно возможной биологической наследственности Кушлы. Можно сделать вывод что, если каждая из клеток ее тела содержит отклонение от нормы, то это должно касаться и клеток мозга. Следствия этого отклонения, может быть, непознаваемы, только успехи Кушлы могут дать какой-то ключ и при этом только в общей форме. Разумеется, оба ее родителя обладают интеллектом выше среднего и образованием, по, с другой стороны, хотя рассуждения относительно того, что в основном интеллект Кушлы мог быть унаследован, вероятно, никакого вывода сделать нельзя. Поэтому такие рассуждения кажутся бесполезными. Единственно, что

несомненно, это то, что интеллект ее родителей и их решительное использование этого интеллекта для решения ее проблем сыграл главную роль в успехах Кушлы.

Выводы

В истории Кушлы несколько отдельных, но взаимосвязанных линий.

Ее можно рассматривать как сообщение о физическом развитии на фоне постоянного нездоровья и случающихся время от времени обострений. В то же время здесь можно проследить возникновение активного интеллекта из разума, изначально плохо обслуживаемого инструментами зрения и осязания; из разума, который, прежде всего, вполне мог быть недоразвитым.

Но если история Кушлы должна иметь значение для других детей, ее особые черты нужно определить и объяснить. А такие черты существуют.

Недостаточно сказать, что родители Кушлы были умны и решительны, отважны и терпимы, поскольку эти черты присущи многим родителям, которым приходится растить детей с физическими или умственными недостатками. И было бы неверно полагать, что они просто приложили больше усилий, чем другие родители, при осуществлении обычных способов воспитания детей с различными физическими и умственными недостатками.

История Кушлы своеобразна по природе осуществлявшегося вмешательства, а сама природа этого вмешательства определялась факторами в ее окружении, которые были описаны в предыдущих главах.

Нет нужды детально разрабатывать эти факторы дальше. Достаточно сказать, что родители Кушлы разделяли глубокое и интуитивное убеждение, что опыт близкого, согласованного контакта с теми, кто любит ее и готов стать «ее глазами и руками» вплоть до того дня, когда она обретет свои, составляет ее сильнейшую надежду на будущее.

Существовало несколько счастливых обстоятельств. С одной стороны, контакт, который дат возможность семье обратиться в Отделение педагогики Оклендского университета, и возможность периодически тестировать девочку. С другой стороны, семейные занятия определили обращение к иллюстрированным книгам и помогли выбрать подходящие названия (хотя родители быстро научились методом проб и ошибок находить книги, наиболее подходящие для потребностей Кушлы).

Эти факторы и помощь, оказанная ей родителями, сыграли свою роль. Потребности Кушлы скорее ощущались, чем осознавались; реакция, хотя и слабая, на какое-то действие, воспринималась как знак, что именно этой линии, возможно, стоит придерживаться. Экспериментирование продолжалось

постоянно.

Еще одна линия проходит сквозь историю Кушлы: утверждение некоторых новых врачей-консультантов, что ребенок умственно отсталый. Не все были так резки, как врач, который, увидев Кушлу в первый раз в восемнадцать месяцев, сказал ее матери, что девочка «ненормальная», уговаривал ее принять это как факт и предлагал договориться, чтобы девочку отдавали на день в Центр умственно отсталых детей в пригороде поблизости, но родители девочки решили, что такое суждение — обычный результат поверхностного наблюдения за поведением Кушлы.

Вполне оправдано, что многие с уважением относятся к утверждениям медиков. Скольким молодым матерям пришлось принять подобный «диагноз» и сделанное из лучших побуждений предложение — ненормальность Кушлы была принята ее семьей с самых ранних дней ее жизни. В восемнадцать месяцев у родных появились основания верить, что она хорошо развивается и что это развитие, во всяком случае частично, результат их поддержки и поощрения. Ярлык «ненормальный» стал казаться им несоответствующим, а совет — насмешкой над их усилиями. Мать Кушлы необыкновенно сильная и реалистичная женщина, но она была близка к отчаянию в этот момент более, чем за всю жизнь дочери.

Кроме того, когда Кушле было чуть больше двух лет, ее матери пришлось выслушать диагноз «умственная отсталость» от других врачей, на этот раз педиатров. Больница запросила и получила разрешение обследовать Кушлу. (Очевидно, она обладала сомнительным достоинством: возможностью наблюдать больше отклонений от нормы, чем у любого другого ребенка!)

Мать Кушлы нисколько не обеспокоило это предложение; она уже привыкла слышать это, а заинтересованные врачи явно были намерены выявить как можно больше дефектов. Но с другой стороны, можно поинтересоваться, разве каждый ребенок получает ярлык «отсталый» только потому, что его взгляд не фокусируется, руки и ноги у него вялые и он пускает слюни? Это побуждает поставить под вопрос необходимость ярлыков, которые подразумевают, что жесткие границы, делящие людей на «нормальных» и «ненормальных», — как будто само качество человечности изменяется с пересечением этих «границ».

Можно только удивляться, как мало помощи и советов получают родители детей с умственными и физическими недостатками. Несомненно, здесь могли бы сдвинуть дело с места не столько деньги, сколько приложенные усилия и соответствующая организация помощи. Для начала разве не могли бы крупные медицинские специалисты сами заявить о

необходимости стимуляции и постоянного пристального внимания к ребенку, которому трудно обучаться? Как во многих других ситуациях, вред могут принести сами родители, которые искренне хотят сделать все как можно лучше, но без инструктажа не могут определить это «лучшее».

Здесь должна прозвучать нота надежды. Когда младшей сестричке Кушлы было шесть недель, к семье обратились врачи психиатрического отделения больницы с просьбой о сотрудничестве: они хотели продемонстрировать студентам-медикам, что семья, в которой есть ребенок с физическими недостатками, может быть счастливой и нормальной. Таким образом, родители с обоими детьми оказались как бы «за стеклом», то есть наблюдатели оставались для них невидимыми. Оба взрослых потом признались, что испытывали неловкость на этом затеянном спектакле, но вскоре успокоились, поскольку Кушла весело играла с принесенными игрушками и паззлами, приносила книжки, чтобы ей почитали, и вообще общалась с другими членами семьи. Студентам должно было стать очевидно, что Кушла, хотя и обладает явными физическими недостатками, имеет много общего с обычными детьми. Встреча закончилась интервью, во время которого мать Кушлы (остальные члены семьи отправились домой) ответила на вопросы психиатра об истории Кушлы и собственном понимании и понимании своего мужа их родительского долга.

Приятно сознавать, что врачей поощряют воспринимать семью как социальную единицу и обдумывать воздействие ребенка-инвалида на семейную ситуацию. К сожалению, существует немного свидетельств, что врачи демонстрируют на практике глубину понимания и знания о нуждах детей или их семей. Конечно, из этого правила есть исключения; но не существует гарантий, что обычные родители, испытывающие страдания и усталость от заботы о ребенке с физическими или умственными недостатками, получат помощь, совет и прежде всего понимание того, что им предстоит.

Знание родителей Кушлы, а также полная поддержка и понимание, были получены от педиатра Оклендской больницы, заботам которой девочка была поручена после ее первого периода в больнице в девять месяцев. Эта молодая женщина не придерживалась никакой классификации или ярлыков. По ее мнению, как и по мнению родителей девочки, «Кушла была Кушлой», ребенком, у которого могли быть трудности в развитии собственных возможностей и который поэтому заслуживал помощи.

Барии (Barney) (1975) цитирует «Янгхазбенд Рипорт»

(результат исследований рабочей группы детей с особыми нуждами, организованной Национальным бюро сотрудничества по охране детства в Лондоне в 1970):

«Сейчас известно о важности раннего обучения, проводимого даже с большей интенсивностью, маленьких детей с физическими или умственными недостатками. Таким образом, жизненно необходимо использовать дошкольные учреждения, ясли, игровые площадки или домашнее обучение в некоторых случаях даже до двухлетнего возраста».

Программа «домашнего обучения» Кушлы была в ходу с того времени, как окружающие поняли, что она кажется «отрезанной» от остальных — то есть почти с самого рождения. Сколько детей в таком состоянии, какова бы ни была его причина, остаются без лечения? Какое улучшение в конце концов увидело бы общество в своих предположительно умственно отсталых детях, если бы компенсаторное вмешательство всегда происходило в таком раннем возрасте и продолжалось бы в атмосфере такой заботы и поддержки, какая всегда была у Кушлы?

Родители Кушлы также отдают должное Обществу детей-инвалидов, от которого сейчас получают ощутимую помощь: уроки плавания, особые игрушки для Кушлы и возможность встречаться с другими семьями, у которых сходные проблемы. Деятельность Родительского центра, игровые группы для младшего возраста, а сейчас Игровой центр, в свою очередь, внесли свой вклад в благополучие семьи и помогли Кушле реализовать в полной мере ее способности.

Каждому ясно, что критическим периодом в жизни Кушлы был самый начальный, когда она могла снова впасть в мир неясно воспринимаемых ощущений, постепенно опускаясь и в физическом, и в умственном отношении. Как можно оценить тяжесть недостатков, которые могли бы у нее проявиться сейчас, если бы это допустили? А как обстоят дела с детьми, у которых не существует такой «встроенной» программы?

Дэвид Барни (David Barney), говоря о необходимости особых «обучающих» занятий для детей с физическими или умственными недостатками, пишет:

«Нет причины, по которой задуманные таким образом обучающие занятия не могут быть приятным, забавным переживанием — возможно, только если это случайно подобранная, плохо мотивированная игра».

Развитие Кушлы дает живое доказательство эффективности «обучающих занятий». Ее уверенность и ее веселый нрав полностью подтверждают отсутствие этого «ощущения

бесполезности, зависимости и подавленности», которые, как предполагает далее Барни, могут возникнуть в результате пренебрежения необходимостью для ребенка специального обучения.

Что такие занятия могут быть «приятным забавным переживанием», неоспоримо, если принять во внимание имеющиеся альтернативы для детей с физическими и умственными недостатками.

Будущее Кушлы неясно. И главные решения ждут впереди. Какой тип школы она будет посещать и пойдет ли она в школу вовремя?

Есть основания считать, что она будет нуждаться какое-то время в индивидуальном обучении, если стремиться способствовать ее развитию. Снова цитата из Дэвида Барни:

«Современная теория, как можно судить по литературе, все более рекомендует структурированные программы, индивидуально рекомендованные детям-инвалидам. Возможности произвольного или случайного обучения, какое мы находим в программе традиционных дошкольных учреждений, оказываются не соответствующими и менее подходящими для таких детей».

Это утверждение справедливо для Кушлы в настоящий момент и может оставаться справедливым еще какое-то время. Игровой центр проводит занятия с детьми; дома, при постоянном индивидуальном обучении и обучающих ситуациях, Кушла получает подготовку к регулярным групповым занятиям. Можно даже рассуждать на тему, что успех ее контакта с группой зависит от продолжающихся успешных занятий по индивидуальной обучающей программе. Кушла все в большей степени справляется с ситуацией в группе, она знает своих друзей, она играет вместе с другими детьми в игры, для которых нужно воображение. Но ее часто приводит в замешательство быстрая смена впечатлений. Ей нужно показать и рассказать индивидуально. Кажется, ей может подойти частичное посещение школы в сочетании с постоянными домашними занятиями, которые ее родители, как они уже продемонстрировали, вполне в состоянии проводить.

Специфическое обучение в сочетании с соответствующей физиотерапией должно уменьшить или снять часть «отличий» Кушлы — ее необычное положение рук, довольно неуклюжую походку и склонность пускать слюни. Сейчас ей лечат зубы в Оклендской больнице. Постоянное нездоровье в сочетании с действием необходимых лекарств привело, что неудивительно, к значительной порче зубов. Как обычно, один из родителей всегда с Кушлой, и, как обычно, кажется, что она понимает или, по

меньшей мере, принимает необходимость этого лечения.

Сейчас, когда самый значительный физический барьер, коррекция аномалии почек, пройден, можно надеяться, что развитие Кушлы будет продолжаться стабильно и что у нее больше не будет перерывов. Поскольку времени для Кушлы всегда бывает мало, ей нужно время тренироваться в ловкости, что не проходит легко, время воспользоваться тем, чему она уже научилась, время набраться сил после ослабления от постоянных инфекций и бесконечного цикла визитов в больницу и тестов. И у нее не только были перерывы, постоянные и длительные; сенсорные недостатки Кушлы создали целый набор трудных, часто мучительных занятий даже в самые лучшие времена.

Кушле необыкновенно посчастливилось с родителями. Приняв ее как «ребенка с физическими и умственными недостатками», они не занимались рассуждениями, а просто делали то, что казалось им соответствующим и возможным изо дня в день. Можно предположить, что большую роль сыграла как их настойчивость, так и твердость духа. А Кушла служит доказательством правильности их поведения.

А как можно оценить значение книг в жизни Кушлы?

Кажется бесспорным, что доступ к такому богатству слов и картин — при постоянной любви и поддержке — в огромной степени содействовал ее познавательному развитию вообще и развитию речи в частности. Надеюсь, что предшествующие главы показали это.

Но, возможно, прежде всего, книги Кушлы окружили ее друзьями, людьми, теплом и цветом в те дни, когда ее жизнь почти целиком была болью и неверием в свои силы. Взрослые, которые любили ес и пробовали представить ей мир, когда она не могла сделать этого сама, сыграли свою роль. Но, может быть, это были сами герои, пришедшие вслед за ней в темноту и одиночество, на которые она была обречена.

И наверное, они навсегда останутся с ней: Питер-кролик и бабушка Люси, мистер Гамни и Джеймс. Джеймс, за которыми следует целая процессия кошек и королей, тигров и медведей, а замыкают ее Дэви, Эмма и непокорная Агапанта. Если это так, то у нее всегда будет поддержка.

Возможно, собственные слова Кушлы, записанные 18 августа 1975 года, когда ей было три года и восемь месяцев, скажут нам все, что нам надо знать. Она произнесла их, сидя на диване, держа в руках тряпичную куклу, а рядом с ней, как обычно, стопка книг: «Теперь я почитаю Луби-Лу, потому что она устала и грустная и ес нужно обнять, и дать ей бутылочку, и почитать».

Да, эта рекомендация подходит для любого ребенка с физическими недостатками или без них.

Эпилог

Прошло три с половиной года с тех пор, как история Кушлы была рассказана впервые. Вполне понятный вопрос «Какая она теперь?» висит в воздухе.

В свои шесть лет и три месяца Кушла мало чем отличается от обычного ребенка ее возраста. Она энергичная, любящая, требовательная и щедрая; то защищает свою младшую сестренку, то сердится на нее; обычно настроена дружелюбно, но иногда упряма… сильная девочка, обладающая юмором, сердечная, уверенная в своем месте в мире и полная решимости получить свою часть радости мира. Она уже получила с лихвой свою часть его боли.

За этот период в ее жизни произошла большая перемена. У ее отца теперь устроена собственная гончарная мастерская в доме. А печь для обжига — во дворе. Стивен заботится об обеих девочках, пока их мать ежедневно бывает на работе. Патриша работает в качестве координатора-статистика в одной из больших компаний в Окленде и в этом году заканчивает аспирантуру в университете по инициативе своей фирмы. Эта перемена ролей в семье принесла массу пользы: возможность для Стивена развивать свои творческие способности, на что раньше у него никогда не хватало времени, и возможность для Патриши радоваться новому опыту и использовать квалификацию, едва ли не утраченную в период напряженных и тревожных лет раннего детства Кушлы.

Но прежде всего это придало новый оттенок жизни девочек. Всегда глубоко увлеченный своими детьми, Стивен сейчас в состоянии включить их в свою жизнь и интересы. Его керамика становится известной и покупается в Окленде. Период проб прошел, изделия Стивена пользуются растущей популярностью.

Перемена родительских ролей в этой семье прошла гладко. «Стив» и «Триша», как девочки обычно зовут их, всегда скорее делили работу, чем распределяли функции. К тому же они оба полагают, что люди важнее вещей и что имеющиеся деньги должны быть использованы скорее для поддержки и развития интересов, а не для увеличения собственности. Как можно было предвидеть, их удобный старый дом полон книг и свидетельств семейных увлечений. Мебель старая или самодельная, а стены украшены сделанными своими руками подвесками, постерами и детскими рисунками. Большой пружинный матрас на полу в гостиной — прекрасное место отдыха для детей, домашних животных и родителей. Здесь читают книги и играют в игры. Потертая удобная старая кушетка в углу гончарной мастерской

служит убежищем для девочек, их книг и их игрушек, пока работа Стивена требует непрерывной сосредоточенности над гончарным кругом или у верстака, и в то же время он должен обеспечить безопасность дочерей. Комплект широких французских окон, купленных уже подержанными и вставленных в одну из стен мастерской, выходит на закрытую террасу с задней стороны дома, где, когда дети играют, их видно и слышно. Спереди участок ограждает собственноручно посаженная широкая живая изгородь. Сзади, за домом, на берегу, клонятся к дому старые поухутукавы, летом покрытые ярко-алыми цветами. Зимой в доме запах горящего дерева из открытого очага смешивается с запахом трав и пряностей из большой, оснащенной полками кладовки, сделанной руками Стивена. Всегда, ночью и днем, за крутым обрывом, отделяющим конец узкой долины от глубокого, окруженного скалами моря, разбиваются о берег буруны из дикой Тасмании. Но прежний владелец выбрал для дома уютное, укромное место.

Объем и природа трудностей Кушлы стали яснее, когда она превратилась в ребенка школьного возраста. К списку ее дефектов добавился пониженный слух, а надежды на то, что руки будут действовать лучше, чем в раннем возрасте, оказались слишком оптимистичными. Но неспособность писать только подчеркивала ее способность читать, чем Кушла и продолжала заниматься. Таков прежде всего всегда был ее ответ на то, что казалось невозможным. Время показало, что он был верным.

Увлеченность Кушлы печатным словом никогда не ослабевала. Сейчас она читает бегло, предпочитая чтение про себя, если не читает Санче (для чтения вслух нужен какой-то смысл). Она сейчас в восторге от уличных знаков и объявлений, а сложные письменные инструкции и получение обязательных писем — для нее сокровищница.

До сих пор в ее речи можно слышать фразы из книг, но теперь их трудно идентифицировать, потому что она читает про себя. «Перья и лисохвост!» — это выражение озадачивало всех, пока не было обнаружено в книге «Лис и яблочный пирог» (Tom Fox and Apple Pie) Клайда Уотсона (Clyde Watson) в очередной порции книг из библиотеки. «Привет-увы!» постоянно было в ходу после чтения вслух обеим девочкам «Мальчика-с-пальчик» (Tom Thumb) Хоффманна (Hoffmann).

Кушлу не учили читать, только «снабжали» языком и историями, в книгах и вне их, если это можно считать методом.

Я думаю, что можно и что это лучший метод из всех. Он превращает обучение детей чтению в радостный, естественный для человека процесс; детей, которые впитывают идеи как губки.

Очевидно, что это нетерпеливое поглощение помогает подобным детям найти смысл в таком сложном и противоречивом опыте, как жизнь.

Голос Кушлы все еще тонок и сипл, ее словесный ответ часто запаздывает. Ей нужно время, чтобы наладить дыхание и произнесение звуков, и можно ощутить, что тщательность ее обдумывания еще более усложняет этот процесс. У нее есть привычка сопровождать для себя комментарием все, что происходит. Иногда она обнаруживает явную проницательность.

«Все удивились, что я научилась прыгать. Никто не думал, что я смогу прыгать, а я сегодня научилась. Дедушка говорит: „Боже мой! Кушла научилась прыгать!“»

Это комментарий к реакции семьи на продемонстрированное ей новое умение: прыжки. Оно сопровождалось заявлением Кушлы; демонстрация прыжков требовала строгой сосредоточенности. Семья, включая деда, только поздравляла Кушлу. Никто не показал своего удивления, вполне, впрочем, обоснованного.

За последние два года Кушла была в больнице четыре раза. Ей были сделаны две операции: одна — чтобы усовершенствовать ее дыхание, другая — чтобы предотвратить дальнейшую потерю слуха. Результатом одного из ее частых падений стала трещина в черепе, которая, к счастью, зажила без осложнений. (Кушле было предписано носить специально сконструированный защитный шлем, что вызывало зависть и восторг ее маленьких друзей).

В долине Карекаре теперь есть школа. Общественная школа «Лоун Каури», которая открылась в феврале 1978 года, представляет собой уникальное учреждение, даже для сельской Новой Зеландии. Занятия проводятся в амбаре на поляне в лесу, в школе шесть учеников. Дети, все в возрасте пяти-шести лет, зачислены в Государственную заочную школу. Но молодой человек, наблюдающий за ними, гораздо больше, чем методист. Живущим в Карекаре повезло, что среди них нашелся квалифицированный учитель, который близко знаком как с детьми, так и с их родителями, и который находит нетрадиционное помещение (собственный амбар) идеальным местом для того, чтобы пасти это маленькое, но активное стадо, пока местные волонтеры строят для них настоящее школьное здание.

Необычность ситуации привлекла внимание публики, в местных и национальных газетах появились статьи. Появились фотографии шестерых здоровых детей, в повседневной одежде, глубоко увлеченных школьной жизнью, которую они считают естественной и доставляющей удовольствие. Одна из них —

Кушла. Ее учитель знает, что она особенный ребенок… но для него особенные и еще четыре мальчика и девочка…

Санча, которой скоро четыре, спокойный ребенок. Ее испанское имя обозначает «святая», она и на самом деле красавица, похожая на мадонну. Радует, что она живо реагирует на любое нарушение своих прав. Но она любящий, послушный, умный и зрелый ребенок. Никто из родных не старается снабжать Санчу книгами для ее возраста. Выйдя из младенческого возраста, она стала предпочитать книги, которые подходили Кушле, на два с половиной года старшей, чем она. Это продолжается.

Недавно я читала им обеим «Белоснежку» в издании «Хейнс-Хайман». В конце, когда плохая королева должна танцевать в раскаленных докрасна железных башмаках, пока не надает замертво, я заколебалась. Затем, вспомнив, что у них есть книга (и они любят ее), изданная «Джаррел-Беркерт», которая тоже придерживается этого варианта, я собралась с духом и продолжила чтение. После окончания последовало краткое молчание. Затем Санча сказала своим удивительно низким, совершенно земным, «новозеландским» голосом: «Ну, так ей и надо». С этой девочкой все в порядке.

И с Кушлой тоже. Прежде всего, она реалистичный ребенок. Она знает, что жизнь тяжела и мучительна, и иногда, кажется, оправданно лишь отчаяние. Но она, кроме того, знает, что жизнь чудесна и что если мы должны как-то жить, то надо жить наилучшим образом. Кушла Йомен, моя внучка, ребенок, обладающий мужеством и юмором, действительно в настоящий момент живет прекрасно.

Семь лет назад, еще до рождения Кушлы, я говорила о своей глубокой вере в то, что книга может обогатить жизнь ребенка. По сравнению с моей теперешней убежденностью тогдашняя моя вера была неглубока. Теперь я знаю, что шрифт и иллюстрация должны предложить ребенку, отрезанному от мира по любой причине. Но я знаю также, что должен быть еще и другой человек, готовый посредничать, только тогда что-то может получиться. Если бы Кушла родилась у других людей — как бы они ни были умны и полны наилучших намерений, — она могла бы никогда не встретиться в младенчестве со словом и иллюстрацией, заключенными в обложку книги. Конечно, ведь никто из специалистов не предписывает чтение вслух хронически больным младенцам, недостатки которых могут оказаться как физическими, так и умственными.

Именно в надежде завязать более человеческие связи между

книгами и детьми-инвалидами всего мира родители Кушлы дали согласие на публикацию ее истории. Мы все уверены, что, став старше, Кушла и сама захочет помочь этому. Мы думаем, что вера Кушлы в книги как нечто, способное соединять, возможно, даже сильнее, чем наша.

Послесловие

Нелегко определить жанр книги, которую вы сейчас прочитали. Это отнюдь не просто воспоминания бабушки о воспитании ее больной внучки, но и не академическое научное исследование, и не руководство по воспитанию детей. Вместе с тем это отчасти и то, и другое, и третье.

Как детский психолог, я увидел в книге Дороти Батлер описание интереснейшего клинического случая. Как отец, воспитавший двоих детей, по-новому оценил многие события из нашей совместной жизни периода их детства. И, конечно, проникся уважением к людям, сумевшим обеспечить условия для полноценного развития девочки, чью жизнь так осложнило тяжелое врожденное заболевание.

Родители уделяли Кушле постоянное внимание с самого рождения, проявляли удивительную чуткость к ее нуждам и стремлениям. В то же время они старались дать ей то, что было близко и дорого им самим. Они любили книги — и смогли сделать их той поначалу тонкой, а затем все более прочной нитью, которая связала девочку с ними и с миром. Отсюда и заглавие: «Кушла и ее книги». И все же мне кажется, что более подходящим названием было бы «Кушла и ее родители». Ни в коем случае не пытаясь преуменьшить роль книг в детском развитии, я хочу все же подчеркнуть, что ее нельзя рассматривать в отрыве от общей атмосферы, созданной в семье. Даже самые лучшие книги (впрочем, как и самые лучшие игрушки, спортивные тренажеры и любые другие предметы, способствующие детскому развитию) остаются мертвы и бессмысленны, если не включены в заинтересованное, любовное общение родителей с ребенком.

В подробных описаниях занятий с Кушлой, которые приводит автор, мы снова и снова видим, как родители девочки становятся посредниками в ее отношениях с окружающей действительностью. «Кушле помогали схватить предмет — ее ручки клали на него, поддерживая и предмет, и руки девочки, и подвигали к ее рту, чтобы она могла „ощутить“ предмет ртом, как нормальные дети». Больной девочке «…была необходима поддержка и помощь рук взрослого, чтобы она видела и ощущала мир вообще». «В это время девочку часто носили на руках и по дому, и на улице, и обращали ее внимание на разные интересные предметы: на листья и цветы; на картины, украшения, зеркала и на многое другое».

Мы видим, что родители отнюдь не ограничивались чтением

девочке книг. Они все время старались обеспечить ей максимальный контакт с окружающим миром. Ее подносили к предметам, чтобы она могла их рассмотреть, заботились о ее физическом развитии: учили ползать, позднее — ездить на велосипеде. Родители вместе с Кушлой собирали паззлы. В общем, она получила возможность делать то же, что дети с нормальным развитием, но только она делала это с постоянной помощью взрослых, подчас буквально их руками.

Заметим, что и нормально развивающийся ребенок поначалу не способен действовать без помощи взрослого. Может быть, это и не так заметно, как в случае с Кушлой, но общий принцип остается тем же самым. Ведущую роль в развитии ребенка его совместных действий со взрослым подчеркивал замечательный отечественный психолог Лев Семенович Выготский, на которого ссылается и Дороти Батлер. Вот простейший пример, приводимый Выготским: мама подает ребенку игрушку, к которой тот тянется. Если мы опустим придаточное предложение и ограничимся констатацией: «мама подает ребенку игрушку», то это будет уже совсем другое действие. Точно так же и фиксация на изолированном действии ребенка («ребенок тянется к игрушке») совершенно не передает рассматриваемой нами ситуации. Ведь ее смысл в том, что движение ребенка становится указательным жестом, обращенным к взрослому. Этот смысл можно выразить так: ребенок подсказал («сказал» жестом), чего ему хочется, и мама выполнила его просьбу. Именно этим путем ребенок осваивает жесты, а несколько позднее — звуковую речь: отклик взрослого придает смысл первым, еще неосознанным жестам и словам ребенка.

Родители и другие родственники Кушлы делали все, для того чтобы ее мир был как можно шире и разнообразнее. Когда она немного подросла, они сумели включить в него и других детей, организовав детскую группу: «Мать Кушлы играла ведущую роль в создании этой группы, что дало девочке возможность наблюдать, как играют другие дети». Таким образом, расширялся не только физический, но и социальный мир, с которым знакомилась девочка. Родители и здесь стали ее надежными проводниками и посредниками.

Но вернемся к детским книгам, о которых Дороти Батлер пишет больше всего и, кажется, с самой большой любовью. Мне хочется отметить очень точные выводы, относящиеся к восприятию ребенком как их содержания, так и оформления. К сожалению, конкретный перечень книг, соответствующих возрасту ребенка, не очень поможет российским родителям. Ведь это английские книги. Так имеет ли нам смысл вчитываться в

детальные описания, приводимые автором? Думаю, что да. Потому что на этом примере легко увидеть общие требования к детским книгам. Четкость сюжета, лаконичность и вместе с тем полнота иллюстраций… Не буду дальше перечислять, какими особенностями должна обладать детская книжка: читатель уже познакомился с этим в авторском тексте. А я лишь добавлю, что эти качества можно найти и в отечественных книгах. Нужно только, чтобы, выбирая литературу для своего ребенка, родители не забывали об особенностях детского восприятия, которые подметила Дороти Батлер.

И напоследок несколько слов о научном значении работы Батлер. Опираясь на классические исследования психического развития ребенка, она проводит тщательное сопоставление общетеоретических положений с конкретными особенностями Кушлы. Иногда это сопоставление немного наивно и чересчур прямолинейно, но общий смысл выводов автора, безусловно, справедлив. Даже в самых сложных условиях, при тяжелом врожденном заболевании развитие ребенка можно приблизить к норме, если последовательно и целенаправленно вводить его в наш мир, а не примиряться с тем, что он «безнадежно отсталый». Это требует от родителей во много раз большей настойчивости, чем при воспитании нормально развивающегося ребенка, но затраченные усилия окупаются теми сдвигами в детском развитии, которые могут быть измерены с помощью тестов и замечены близкими без всяких тестов и психологических обследований.

А. Л. Венгер, доктор психологических наук

notes

Примечания

1

В оригинале детское произношение Кушлы. — Примеч. пер.

в английском. — Примеч. пер.